85.13
М 24

ОЛЬГА МАНУИЛОВА

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

35.13.
М-24

ОЛЬГА МАНУИЛОВА

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

ОШСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИНВ № 439346

Инв. № 15203

ФРУНЗЕ
«КЫРГЫЗСТАН»
1980

АБОНЕМЕНТ

85.13
М 24

Мануилова О. М.

М 24 Страницы воспоминаний. — Ф.: Кыргызстан, 1980. — 112 с., ил.

В своей большой и интересной жизни скульптору О. М. Мануиловой довелось встречаться с О. Ю. Шмидтом, В. В. Маяковским, работать с такими корифеями советского искусства, как И. Д. Шадр, Усто Мумин.

Народным художником Киргизской ССР Мануиловой создано более шестисот произведений, многие из которых посвящены людям Советской Киргизии.

Эта книга скульптора — рассказ о себе, своем нелегком, но прекрасном призвании, об интересных встречах на дорогах жизни.

М $\frac{80103-102}{М\ 451(17)-80}$ 262.80.4903000000

73С2
ББК 85. 13

© Издательство «Кыргызстан», 1980 г.

ТАЛАНТ ДОБРЫЙ И СВЕТЛЫЙ

Около семидесяти лет работает в области скульптуры Ольга Максимилиановна Мануилова. По происхождению она принадлежит к той части русской интеллигенции, которая без колебаний приняла Октябрьскую революцию и все силы ума и сердца отдала на служение ей. Начало грандиозного социального переворота совпало в биографии Мануиловой с окончанием Московского училища живописи, ваяния и зодчества, где она училась в классе С. М. Волнухина. Ее старшими товарищами и сокурсниками были М. Ларионов, И. Машков, В. Маяковский. Нелегко было молодому скульптору обрести свое лицо среди модернистских увлечений начала века. Однако крепкие реалистические традиции, представленные в творчестве педагогов училища, в работах А. С. Голубкиной, взяли верх над футуристическими изломами. Преклонение перед творчеством С. Т. Коненкова, которое она пережила в молодые годы и пронесла через всю жизнь, изучение работ И. Д. Шадра помогли Мануиловой устоять против формалистских поветрий.

Единственная ее ранняя сохранившаяся работа тех лет — эскиз к портрету главного художника Большого театра С. И. Иванова (1914) раскрывает способность к лаконичной и острой характеристике человека. Репродукции не сохранившегося цементного бюста К. Ф. Рылеева (1918) вошли в академическую историю советского искусства, ибо одухотворенность образа

пламенного гражданина удивительно созвучна со временем революционной перестройки мира. Сам выбор натуры в двадцатые годы — бюсты писателей К. Елпатьевского, В. Вересаева, Н. Потапенко, актрисы О. Книппер-Чеховой (к сожалению, эти работы не пощадило время) — говорит о том, как важно для Мануиловой выразить беспокойство духа и гуманность русской культуры, своими средствами сказать о ее вовлеченности, естественном вхождении в советскую культуру. Она обращается к портретированию людей, известных уже в дореволюционной России, в то время, когда имели еще хождение ниспровергательские идеи Пролеткульта, а ленинская мысль о классическом наследии только еще бралась на вооружение молодыми художниками страны. В этом смысле интересно напомнить, что Мануилова и ее сокурсник Маяковский разошлись в оценке бюста Шевченко, который был создан Волнухиным в русле ленинского плана монументальной пропаганды.

Литературные интересы Мануиловой, связанные прежде всего с классикой, нашли непосредственное выражение в ее творчестве. Страстная почитательница и пропагандистка Л. Н. Толстого в годы своей работы в Ясной Поляне, она не рискнула воплотить его образ, хотя огромный иконографически документальный материал был под рукой. Ей удалось создать теплый и сердечный портрет юной С. А. Толстой, но мысль о состязании с И. Гинцбургом, А. Голубкиной и другими мастерами, воплотившими облик гения русской литературы, казалась слишком дерзкой. Много раз возвращалась Мануилова к образам Пушкина и Маяковского.

Ольга Мануилова рано обрела самостоятельность. С 1 января 1909 года Мануилова, ей не исполнилось и шестнадцати лет, начала вести дневник. С тех пор с незначительными перерывами она верна этой привычке и по сей день. Сохранилось около двухсот толстых тетрадей, каждая примерно по 60—80 страниц. Написанное Ольгой Максимилиановной имеет несомненную документальную и психологическую ценность.

Дочь интеллигентных родителей, воспитанная домашними учителями, девушка едет за границу, в Германию, где в Мюнхене, в мастерских Хоффштедера и Швегерле, получает первоначальную подготовку по скульптуре. А несколько лет спустя она, студентка, добровольно отправляется в глухую деревню, чтобы помочь крестьянским детям, оставшимся без отцов в годы первой мировой войны. Обостренное чувство гражданского долга, демократизм, унаследованный от отца, помогали Мануиловой искать и находить своих героев, людей труда. Скульп-

туры, созданные в 1931 году, носят прикладной характер. Однако бюст шахтера Кораблина (1934), высоко оцененный московской критикой, был победой принципиально важной — здесь достигнут тот сплав национального и социально значительного, который восхищал Мануилову в работах ее старшего товарища по искусству И. Д. Шадра. «Портрет Кораблина» — едва ли не самая «шадровская» работа в творчестве Мануиловой.

Середина 30-х годов отмечена страстным увлечением декоративной пластикой. Многочисленные работы, созданные для парков Кисловодска (фонтан «Карачаевка с чашей», «Девушка с оленями», «Девушка с двумя чашами») отличаются изяществом и особой ласковостью. Жителям столицы Киргизии хорошо знакома стройная фигура девушки в центральном павильоне газированных вод. Еще ждут своего воплощения в прочные материалы десятки декоративных блюд на темы киргизского фольклора, грациозные фигурки танцовщиц, певиц, детей. В создании мелкой пластики Мануилову вдохновляла мысль о внедрении этих работ в жизнь, в нашу повседневность.

Особую сферу ее творчества составляет анималистика. Десятилетиями наблюдала она и лепила животных — слонов, лошадей, архаров, баранов, добиваясь не просто анатомической точности, но стремясь выразить индивидуальность породы и характер конкретного животного. Каждый зверь верен в ее исполнении своей природе, хотя прежде всего эти работы подчеркнуто декоративны. Придет время, когда прелестная мелкая пластика Мануиловой, уже сегодня по достоинству оцененная ее товарищами по искусству, художниками, размноженная, переведенная в твердый материал, действительно украсит наш быт, площадки детских садов, аллеи парков.

Работы 1938 года для Узбекского павильона в Москве, дружба с ярким художником А. В. Николаевым (Усто Мумином) означали для Мануиловой выход к монументальной скульптуре и к темам Средней Азии, которые давно подспудно питали ее воображение. В Киргизии Мануилова живет с 1939 года. Переезд обусловлен многими обстоятельствами ее биографии. Еще в Самарканде, девочкой, полюбила она величественную архитектуру старых мастеров. Орнаменты Регистана, Шах-и-Зинда, Гур Эмира так покорили ее, что азиатская орнаментика на десятки лет стала предметом ее любовного изучения. Жизнь в Ташкенте в начале двадцатых годов создала тот настрой, который помог Мануиловой прийти к «Бубнисту», «Дутаристу», «Поливальщику» (1938) — большим монументальным работам, лишенным, однако, вся-

кой помпезности. Близкое знакомство с натурой, истинное восхищение людьми из народа позволяют сказать, что Мануилова носила Азию в сердце до того, как поселилась здесь окончательно.

Мысль создать памятник Токтогулу (1940), поэту иной культуры, на первый взгляд, может показаться самонадеянной. Но до начала работы над проектом, до трудного и увлекательного путешествия по Южной Киргизии ею в 30-е годы в Москве были выполнены бюсты туркменского поэта Дурды Клыча и узбекского — Ш. Шарахимова, портрет Алишера Навои, вылеплены небольшие по размеру, но пленительные стелы к памятнику Низами по мотивам его достанов.

Период до переезда в Киргизию можно назвать временем внутреннего самоопределения. Отдельные удачи в воплощении азиатской темы превратились в основное направление ее творчества.

В середине тридцатых годов во Фрунзе построена первая скульптурная мастерская, но скульпторов-киргизов еще не было, ибо этот жанр был неизвестен киргизскому народу до революции. Сама жизнь требовала совмещения творческой работы с воспитанием молодых кадров, и Ольга Максимилиановна находит разные пути и средства приобщения к искусству молодежи, бережно растит наиболее одаренных. Она без оглядки берет в помощники молодых, которые вместе с нею работают над громадным фризом «Советская Конституция» (1933—1941) для фронтона Дома прокуратуры. После войны молодые художники работают вместе с ней над скульптурным убранством Киргизского театра оперы и балета.

Памятник генерал-майору И. В. Панфилову, открытый 7 ноября 1942 года во Фрунзе, окончательно утвердил репутацию Мануиловой как ведущего монументалиста Киргизии. За эту работу художница в 1943 году удостоена звания заслуженного деятеля искусств. Динамичны работы Мануиловой военных лет: «Строительницы Большого Чуйского канала», «В помощь фронту» (1942). Эти женщины, взявшие на плечи трудную ношу мужчин, изображены в движении, непреклонном стремлении к победе.

После войны Мануилова продолжала работу над монументальной скульптурой. Ее памятники поэтам Джоомарту Боконбаеву и Тоголоку Молдо, музыканту Мураталы Куренкееву воплотили в себе лучшие черты национального характера: эмоциональность, мудрость и мягкость души.

Монументы, украсившие столицу,— лучшая, но лишь малая часть необъятной портретной галереи, которая создана Мануиловой. Среди

них — герои труда и войны, видные общественные деятели и прославленные люди искусства, те, чье имя чтут в родном аиле, и те, кого знает весь мир. Неустанный и широкий интерес художницы к миру, ее неутомимая любознательность, острое чувство национального выразились в их портретах. Ее вершинами можно назвать «Портрет народной артистки СССР Сайры Кийизбаевой» (1952) и «Молодого киргиза» (1955). В пору создания этих бюстов скульптор Мануилова удостоена звания народного художника Киргизской ССР. Она носит это звание с честью.

Всегда бодрая и деятельная, неутомимо раскрывает она значительность национального характера и красоту, глубинные связи, которые роднят русскую и киргизскую культуры. Киргизия дала крылья ее таланту, и художница достойно воплотила в своем искусстве лучшее в духовном и пластическом облике людей нашей республики.

А. ЖМАЕВ

ДЕТСТВО

В 1950 году, на склоне жизни, моя мама, Варвара Александровна Тихомирова (Цявловская) написала воспоминания. Они начинаются с первых десятилетий прошлого века, с истоков нашей родословной. Наша семья разделила судьбу лучшей части русской интеллигенции. Прадеды-дворяне служили царю, отцы были разночинцами, а младшее поколение ушло в революцию. Задолго до Октября те, кто поднялся на борьбу во имя будущего, были нам знакомы не понаслышке.

Мой отец, Максимилиан Петрович Тихомиров (1855—1923 гг.), военный врач, доктор медицины, был старше мамы на шестнадцать лет. Сын священника, за научные и служебные заслуги он получил личное дворянство.

В липовых аллеях чудесной Скрытни прошло детство моей мамы. И в глубокой старости помнила она каждую комнату большого дома, бабушкин рояль, уютные уголки сада, где любили играть дети. Тургеневская поэзия природы наложили определенный отпечаток и на характер мамы.

Первое время родители жили в Нижнем Новгороде. Здесь же, в 1893 году 30 октября, родилась и я. В 1895 году доктор Тихомиров был направлен в научную командировку в Германию, Францию, Швейцарию и Италию. В Париже он работал в лаборатории великого микробиолога Луи Пастера. Потом наша семья побывала в Бресте и наконец обосновалась в Варшаве, где отец служил в военном Уяздовском госпитале.

В. А. Тихомирова — мать скульптора, 1907.

Десять лет в Варшаве (1898—1907 гг.) самая счастливая пора моего детства. В гимназию мы не ходили. Папа занимался с нами математикой и историей, мама — географией, а жена врача М. В. Автократова давала уроки русского языка, преподавала рисование и лепку. С нами жили немка-бонна и учительница-француженка. С раннего детства мы учились разговаривать по-немецки и по-французски. Детская память настолько сильна, что я и до сих пор при необходимости изъясняюсь на этих языках.

Дома был рояль. Когда мы, дети, были еще совсем маленькими, с нами занималась учительница музыки. По вечерам бывали домашние концерты. Папа играл на виолончели, знакомый доктор — на скрипке, одна из маминых подруг — на рояле. Бетховен, Шуман, Шуберт, Мендельсон своими мелодиями вошли в душу очень рано. Музыка очаровала меня на всю жизнь. Под ее звуки мне хорошо работается, думается, пишется. Не знаю и сейчас большего удовольствия, чем при звездах в саду послушать хороший концерт.

Росла я сорванцом и непоседой. На коньки вставала, едва пруд подернется первым ледком, а расставалась с ними последней, и потому не раз проваливалась под лед. Когда на гимназических вечерах играли в кошки-мышки, носилась по коридорам, как угорелая, и наживала ссадины и синяки. Как-то ухитрилась опрокинуть ко-

Оля Тихомирова с отцом. 1896.

ляску, в которой взрослые собирались на прогулку, и все выпали на дорогу. Облазила деревья нашего сада: казалось соблазнительным рисовать сверху, устроившись между надежных ветвей старой урючины. В двенадцать лет страстно мечтала научиться танцевать, а когда научилась, то больше всего любила не плавный вальс, а неистовый казачок. Самая большая мечта в пятнадцать лет — ездить верхом. Это умение особенно пригодилось позднее, когда накануне Великой Отечественной войны довелось совершить долгое путешествие по Южной Киргизии.

Пришла вынужденная разлука с прекрасным Уяздовским парком. Нам предстояла долгая дорога в Самарканд. Встретила нас Азия неласково. Едва поселились мы недалеко от Ургутской улицы, где находился госпиталь, в котором работал отец, как произошло землетрясение. Это случилось в октябре 1907 года. При первых толчках мама схватила за руки детей и выбежала в сад. И тут же рухнула терраса нашего дома. Наспех поставили солдатскую палатку, и в ней разместились мама и трое детей. А папа так и ночевал в своем кабинете, несмотря на все уговоры мамы.

Землетрясение кончилось. Дома все наладилось. А утром первой нашей общей мыслью было — уцелели ли памятники? Купол Биби-Ханым частично рухнул, и грустно было видеть груду кирпичей, штукатурки и цветных изразцов. А вот Регистан,

Ольга Тихомирова. Самарканд. 1910.

Шах-и-Зинда, Гур Эмир остались невредимыми. Творения древних, мудрых, великих зодчих выстояли перед грозной стихией. Отец очень хотел, чтобы мы побольше узнали о Туркестане. Мы совершали всей семьей далекие походы в горы, побывали во многих кишлаках, посетили раскопки Афросиаба, где вел исследовательскую работу археолог Вяткин. Им была открыта знаменитая обсерватория Улугбека, и мы с интересом осматривали эти руины.

Отец поощрял пешие прогулки в горы. Незаметно альпинизм превратился в сильнейшее из моих увлечений. В 1914 году с группой студентов-медиков мы взяли штурмом снежную вершину Большого Чимгана. Высоко в горах, среди непроходимых зарослей, в незнакомой местности нередко приходилось бывать и совсем одной, но к людям я выбиралась благополучно. Последний раз в жизни я поднялась в горы в возрасте пятидесяти шести лет, когда в Ала-Арчинском ущелье устанавливали бюст Поля Робсона, сделанный мною.

Коньки, велосипед, прогулки, верховая езда отнимали много времени, но хватало его и на занятия лепкой и рисованием, историей, математикой, естествознанием, языками. Чтобы получить аттестат зрелости, мне пришлось за один год одолеть латинский язык, который в женской гимназии не изучался. Под руководством отца занималась латинским днем и ночью. Вместе мы прочли «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря. Многие латинские афоризмы люблю и помню до сих пор.

Вражда с кораном началась с того, что однажды я вылепила портрет друга детских лет Сахиба. Он с гордостью понес мое изделие домой, но его отец смял пластилин, разбросал куски и отругал сына. Ведь ислам запрещает изображать людей! Больше натурщиков среди местного населения я не искала, но тем с большим рвением зарисовывала орнаменты узбекской архитектуры. Серьезной мысли о занятиях искусством, однако, не было. Книги занимали больше.

Самаркандскую гимназию я закончила с золотой медалью, и пришла пора подумать о будущем. Перед моими глазами был пример дяди Саши, который изучал агрономию в Германии. Мне хотелось стать ботаником-географом. Сказалось мощное очарование туркестанской природы, знакомство с горами, собирание гербариев. Азия запала в сердце. В Ташкенте я закончила курсы, после которых вручался аттестат зрелости, дающий право на поступление в высшее учебное заведение. На семейном совете было решено, что я поеду в Штудгардт, к А. А. Цявловскому, чтобы поступить в то училище, которое он закан-

чивал. Письма его о ботанизировании в швейцарских Альпах дома читались вслух. Заняться тем же — мне казалось осуществлением детских грез.

Все, однако, сложилось иначе. В Штудгардт я приехала в 1912 году. Германия готовилась к войне. Никого из русских в училище уже не принимали. Но не возвращаться же не солоно хлебавши! Отправляюсь в Мюнхен, посещаю замечательную Пинакотеку, где собраны художественные сокровища всего мира. И здесь-то неодолимо захотелось учиться искусству. Так и случилось, что в Мюнхене я поступила в скульптурную студию Хоффштедера, а потом перешла в мастерскую Швегерле. Документа об образовании эти студии не давали, но были незаменимы для тех, кто хотел впоследствии заниматься скульптурой профессионально. Лекции нам читали прекрасные профессора — анатом Молье, искусствовед Вельфлин. Весной 1913 года отправилась в Париж, чтобы более наметанным глазом посмотреть на собрания Лувра, музея Клюни, познакомиться с архитектурой чудесного города. Эта поездка окончательно укрепила меня в собственном выборе.

Летом того же года я вернулась в Ташкент, а осенью в Москве выдержала экзамен в училище живописи, ваяния и зодчества. Меня зачислили в класс скульптора С. М. Волнухина.

В ЛЕФОРТОВСКОМ ГОСПИТАЛЕ

В Германии даже мы, студийцы, люди глубоко штатские, чувствовали приближение грозных событий. В Мюнхене я стала свидетельницей устрашающего военного парада. В Берлине, где была проездом, слышала воинственные шовинистические речи. В отношении к выходцам из России сказывался поднимающий голову национализм. И все-таки, несмотря на тревожные признаки, война для всех нас разразилась неожиданно.

Лето 1914 года я проводила на Большом Чимгане, где располагался лазарет отца, когда пришла весть о том, что началась война. Лазарет, не мешкая, погрузился на телеги и тронулся в Ташкент.

Мы с товарищем поехали на велосипедах. Несмотря на черную южную ночь, по дорогам непрерывно двигались обозы, в кишлаках метались огни, чайханы были переполнены взволнованным народом. Угнетали страшные мысли, томила неизвестность. Мы катили всю ночь, не оставляя седел, и едва зарозовело небо, были дома, в Ташкенте.

На следующий день отца срочно вызвали в Петербург, в военно-санитарное управление. За отцом переехала в Петербург и мама. Я вернулась в училище, в Москву, на второй курс. Из глубокого тыла наша семья передвинулась навстречу войне.

Москву переполняли беженцы. Девушек призывали на краткосрочные курсы сестер милосердия. Вместе с подругами по училищу окончила та-

Медсестра Тихомирова. 1916.

кие курсы и я. Мы дежурили на вокзалах Москвы, куда приходили эшелоны с ранеными, ночами являлись по телефонным звонкам в больницы, превращенные в госпитали.

В большом и светлом выставочном зале нашего училища княгиня Щербатова основала частный лазарет. Сюда попадали только легко раненные офицеры. Ухаживали за ними медицинские сестры из высокопоставленных кругов. Служить в таком лазарете было удобно, потому что скульптурные мастерские находились рядом, но настоящей работы здесь не было. Я решила работать в Лефортовском военном госпитале.

Построенный по указу Петра I госпиталь с его многочисленными фундаментальными корпусами был переполнен тяжелоранеными и больными. Главный врач принял меня внештатной медсестрой. Во всех коридорах стояли койки. Пациентов поступало так много, что их не успевали распределять по отделениям. Зачастую тифозные и легочные находились в одной палате. Страдание свело здесь вместе польских и белорусских крестьян, многие из которых лишились своих семей, казаков из Приамурья, русских, грузин. Начальство предупредило, что никаких газет, кроме правительственной, приносить нельзя, но я раздавала по палатам и другие издания. Однажды главврач увидел в руках у раненого «Русские ведомости», злобно вырвал их, скомкал и бросил на пол, а мне сделал строгое внушение. Я писала письма под диктовку солдат, вымаливала у главного повара яйца, молоко и сахар для особенно слабых, как-то разыскала в больничных тайниках полусломанные койки, кое-как укрепила их и подняла с пола своих подопечных.

Беседуя с больными, узнавала горькую правду. Те солдаты, что были при деньгах, могли откупиться от вторичной отправки на фронт. Им выдавались справки с неверным диагнозом болезни, и липовая бумажка спасала от окопов. А бедные мужики, часто недолеченные, с незакрытыми ранами отправлялись на передовую. Главный фельдшер, изобретатель подложных документов, смотрел на беспокойную сестру Тихомирову с опаской и подозрением. Как-то молодой врач прописал больному морфий и ушел, а фельдшер подал мне такой большой шприц, что доза лекарства показалась мне смертельной. Не решаясь сделать укол, обратилась к дежурному врачу, и злой умысел раскрылся: моими руками негодяй хотел умертвить больного, чтобы тем самым избавиться и от меня.

Я была подавлена и убита обстановкой, царившей в госпитале. Вдруг пронесся слух, что Николай II со своей свитой посетит самый старый и самый большой госпиталь России. И так велика была моя

наивность, что я подумала, будто злые люди нарочно хотят скрыть от царя горькую правду. Надо раскрыть глаза царю! Окончательно решившись, я на следующий день отправилась в Лефортово, пылая негодованием. В проходной дневальный винтовкой преградил путь: «Главный врач приказал вас не пускать». Через несколько дней я все-таки пробралась в госпиталь. Посещение Николая II не состоялось. А мне запретили работать в Лефортово. Избавиться от внештатной сестры было нетрудно. Вернулась к дежурствам на вокзалах, помогала в санпропускниках, на перевязочных пунктах. Летом отец определил меня в один из госпиталей Петербурга.

ОШСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА ИНВ N 439346

Фрунзенская ... система ... Инв. № 15203 245.

КАРПОВКА

Весной 1915 года в газете «Русские ведомости» было опубликовано обращение жены Максима Горького ко всем девушкам и особенно к нам, медсестрам. Она писала, что сейчас, когда мужчины на фронте, а женщины-крестьянки в поле, деревенские дети остаются без присмотра, болеют, голодают. В Москве было создано «Общество помощи жертвам войны». Здесь мы и встретились с чудесной, ясной и светлой Екатериной Павловной Пешковой. Наскоро проходим курсы для подготовки воспитательниц, где нам дают наставления и книги, объясняют, как можно просто и скоро, почти из ничего сделать игрушки, чем и как кормить детей, какие меры принимать, если они заболеют. Я тогда совсем не знала русскую деревню и попросила направить меня в самую глушь.

Было чудное летнее утро. Зацветала гречиха, зеленела рожь, бежали ручьи из болотец. Пошла в домик-музей, который еще недавно был центром внимания всего мира. Здесь пять лет назад скончался Лев Толстой. Вот он этот домик. Маленькая низкая комната с серо-зеленоватыми стенами. На одной из них карандашом нарисован профиль писателя. Рядом кровать, на которой он лежал. Тень его головы обведена линией... Мне показалось, что эти стены благословляют меня на новый путь.

В Карповке матери и дети отнеслись к нам настороженно. Это был первый «очаг» — так назывались то-

гда ясли-сад. Но пестрые куклы и белый хлеб, который величали здесь «пирогом», сделали свое дело. Дети перестали дичиться, а матери ушли в поле. Несколько дней женщины украдкой поглядывали через ограду: правда ли, что мы «задаром» кормим детей «пирогами», даем чай с сахаром и молоком, пшенную кашу с маслом?

Скоро в Карповке убедились, что ребятишек мы не обидим. Вместо предполагаемых пятидесяти у нас стало ежедневно бывать до девяноста малышей. Накормив совсем крошечных, мы оставляли их в люльках под присмотром старших девочек, а с детьми постарше отправлялись в лес, к ручью, где была хорошая глина. Там я лепила петушков, зайчишек, учила этому и детей. Незатейливые игрушки ломались быстро, но и глины вокруг было много.

Все дети стали мне близкими и дорогими, но особенно привязалась я душой к двум Ванечкам, трех и четырех лет. Один из них был тихим и задумчивым, а другой — подвижный и любопытный. Едва появившись утром, он сразу принимался рассказывать, что где произошло. За это его прозвали Газеткой. Все его радовало, все интересовало. Более шестидесяти лет прошло с тех пор, а я все не могу забыть его звонкий голосок: «Я все люблю, и травичку тоже».

С завершением полевой страды кончилась и наша работа. Грустно было прощаться с детьми, с посетителями «клуба», с матерями. Через два дня в большом зале, перед целым собранием солидных людей из земской управы я рассказала о сделанном в Карповке и представила целую кипу отчетов. Нашу с Аней работу одобрили. А в Москве — радостная встреча с Е. П. Пешковой. По ее просьбе я написала о нашем опыте и подарила воспоминания ей.

С. М. ВОЛНУХИН

В училище живописи и зодчества (1913—1917 гг.) моими товарищами по классу были Крандиевская, Пластов, Сандомирская, Щербаков, Сырейщиков, Шерлаимов, Фомин, Юркевич, Жураковский, Мананникова, Шаховский, Смирнов, Аямин, Шильников, Алтухов. Из них нынешнее поколение знает и любит прекрасного живописца А. А. Пластова.

Все наши преподаватели вошли в большую историю искусства. Мы знали великое счастье учиться у А. М. Корина, Н. А. Касаткина, Л. О. Пастернака, С. А. Коровина, А. Е. Архипова. Пастернак, отец поэта, был близким другом Толстого. Недавно с душевным трепетом взяла в руки альбом «Первые иллюстраторы произведений Л. Н. Толстого», где помещены превосходные рисунки Пастернака к «Войне и миру» и «Воскресению».

В мастерской С. М. Волнухина. 1915.

Именно этим педагогам я обязана тем, что меня, начинающую художницу, не захлестнула футуристическая волна, которая прокатилась по училищу в начале десятых годов. Мы все переболели кубизмом. После посещения выставок разнообразных направлений начинали кромсать и резать свои этюды на плоскости с острыми углами. Бюсты и фигуры раскрашивали самыми дикими красками — синей, желтой, зеленой. Но великолепие природы и духовная красота человека победили формалистические измышления. Сегодня все крайности авангардизма в изобразительном искусстве или музыке ничего, кроме активного протеста у меня не вызывают.

Портрет
художника
С. Иванова.
1915.

Огромным моральным авторитетом пользовалась среди нас, молодых, А. С. Голубкина (1864—1927 гг.). Анна Семеновна училась у Родена в Париже, а когда вернулась на родину, ей предоставили возможность работать в мастерской училища. Мы знали Анну Семеновну как человека глубокого, серьезного и неподкупно строгого по отношению к себе. Каждая ее работа заставляла думать о значительном. Впервые мы увидели ее на выставке в пользу раненых в 1914 году. Одетая во все черное, с гладко причесанными волосами, со строгими чертами лица, она казалась нам идеалом женщины-скульптора. Особенно горячо поклонялись ей девушки.

А С. Т. Коненкова я считала своим крестным отцом. Когда мне было четырнадцать лет, мой дядя М. А. Цявловский показал Сергею Тимофеевичу небольшой барельеф, вырезанный мною на камне. «Будет скульптором»,— сказал мастер.

Мне довелось быть на одном торжестве, когда после выставки Коненкова, открывшего в своей деревянной скульптуре тайны старорусского ремесла и чудеса леса, его, по греческому обычаю, избрали «богом пира». Появление каждой новой его работы встречалось с благоговейным восторгом. Выставка в мастерской на Пресне была огромным событием, праздником. В ученических работах большим достоинством считался хотя бы отдаленный намек на подражание Коненкову. Даже при выборе натуры искали мы такие лица, которые могли бы понравиться Сергею Тимофеевичу. Довелось мне бывать и в его мастерской на Тверском бульваре. Для нас, молодых скульпторов, этот человек был вдохновителем. Много лет спустя, в середине шестидесятых годов, я писала Коненкову, просила его поддержки в защите памятников народного искусства.

Самым близким среди педагогов был Сергей Михайлович Волнухин (1859—1921 гг.), автор знаменитого памятника первопечатнику Ивану Федорову.

За чудесный, добрый характер мы называли Сергея Михайловича Тятькой. К началу занятий он спускался к нам по винтовой лестнице в полуподвальный класс лепки, где окна, однако, были такими громадными, что света хватало. При появлении Волнухина нас охватывало радостное и деловое настроение. Тятька ласково и внимательно относился к каждому ученику и его работе. И натурщиков выбирал хороших — то древних стариков с простыми, но мудрыми лицами, то мужчин с интересными чертами. Одна голова старика, выполненная мною в 1914 году, сейчас хранится в Музее изобразитель-

ного искусства во Фрунзе. В каждом Волнухин умел пробудить надежду, каждому передать радость ваяния. Проникновенно объяснял он главное в облике натуры, на что следует обратить особое внимание, не задерживаясь на мелких деталях. Сергей Михайлович был против плоской фотографичности. Он не принуждал к определенной технике, предоставляя ученикам свободу самовыражения. Сначала мы лепили портреты натурщиков, а потом фигуры. Все исправления в работе делали только своими руками. Волнухин не считал возможным прикасаться к труду другого, он только высказывал свои замечания.

Зная, как мы заняты в госпитале, Сергей Михайлович не ругал за пропуски занятий, но жадно расспрашивал о том, что делалось за стенами училища. Он разрешал нам работать вечерами и сам не уходил. Всех нас выдворяли сторожа и формовщики, если мы уж слишком задерживались.

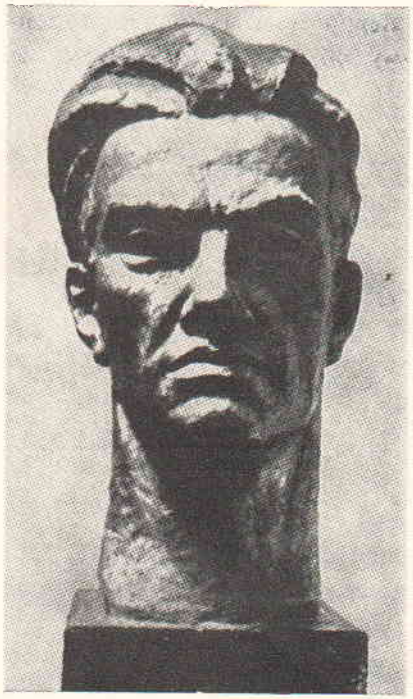
С каждым месяцем становилось все хуже с продовольствием. Как-то зашла в скромную мастерскую Сергея Михайловича, которая находилась тут же, во дворе училища, и он, всегда такой радушный и гостеприимный, не смог угостить даже чаем. На следующий день принесла учителю пучок зеленого лука.

После окончания скульптурного отделения я поступила на архитектурное, к профессору И. В. Жолтовскому, но дружба с Волнухиным не прерывалась.

В. В. МАЯКОВСКИЙ

Маяковский поступил в училище живописи, ваяния и зодчества в августе 1911 года, а 21 февраля 1914 года его исключили вместе с другом Давидом Бурлюком, который первым признал в юноше гениального поэта. Еще до прихода Маяковского, из училища отчислили художника-футуриста М. Ларионова и входившего в «Бубновый валет» И. Машкова. В автобиографии Маяковский отметил: «Удивило: подражателей лелеют — самостоятельных гонят». О себе тогдашнем он писал: «У меня — пафос социалиста, знающего неизбежность крушения старья». В училище он уже был автором первых футуристических и антивоенных стихов, которые знали, в основном, его близкие друзья.

Портрет В. В. Маяковского. 1965.



Несомненно, он был одним из самых заметных наших студентов. В широких коридорах старинного здания собирались живописцы, архитекторы и скульпторы. Около Маяковского оживленно шумели, смеялись, что-то громко обсуждали. Во время зимних каникул для раненых лазарета, размещенного прямо в выставочном зале, решено было устроить вечер. Одни писали афиши, другие — программы, третьи изобретали красивые абажуры для ламп. Маяковский во главе нашего творческого штаба весело и смело рисовал плакаты на больших листах, разложенных на полу, а мы с удовольствием выполняли все его распоряжения. И только перед началом концерта побежали, переодеваться.

Когда я вернулась, сменив испачканный красками рабочий халат, то в нашем круглом зале увидела старинное сооружение из сукна, нечто среднее между чукотским чумом и индейским вигвамом. Сквозь щели мерцал свет свечи. Около шалаша толпились девушки, а из самого вигвама доносился смех, заглушаемый громким хохотом Маяковского. Владимир «гадал» в пользу раненых. Входной билет — рубль. Девушки выходили из чума, смущенно улыбаясь. Дошла очередь до меня.

На фоне черного сукна белел скелет, по которому мы изучали анатомию. На столике отсвечивал череп. В полутьме стоял Маяковский. Пораженная обстановкой, робко сажусь на стул. Маяковский взял мою руку, посмотрел сначала на линии ладони, потом пристально — мне в глаза и спросил: «Чувствуешь, деточка, как ты молода?» Я прошептала «да», оставила на столе деньги и выскочила. После меня проскользнула в вигвам еще одна девушка, и снова — взрыв смеха. Желающих узнать судьбу у «гадалки» оказалось так много, что на следующий день, когда подсчитали выручку в пользу жертв войны, выяснилось, что Маяковский собрал больше всех.

Когда его исключили за «политическую неблагонадежность», молодой поэт все равно остался верен друзьям и приходил в училище. Раздавался возглас: «Маяковский пришел!» и мы мчались на третий этаж, в небольшую чайную, и устремляли восторженные взгляды на юного гиганта. Поражали его широкополая шляпа, черный плащ, но более всего — он сам, его шутки, насмешки, остроты. Возникали и серьезные споры. В ту пору, став на время приверженцами кубизма в живописи и скульптуре, мы, не желая отставать от моды, строили произведения углами, плоскостями, «архитектурными скачками», обобщениями. Училище бурлило, как вулкан. Чувствовалось близкое дыхание революции. И Маяковский был ее провозвестником, смелым борцом против «классической скуки». Мы это чувствовали, одобряли, приветствовали. Нелегко было совместить его оценки с тем, чему учил нас С. М. Волнухин. К моему учителю поэт относился сдержанно. Когда позднее, в 1918 году, в Москве на Трубной площади Волнухин поставил памятник Т. Г. Шевченко, выполненный из непрочного материала и потому вскоре разрушившийся, Маяковский считал, что такие работы «не двигают сегодняшнюю культуру»[1]. Со временем крепкое реалистическое начало оказалось сильнее многих поветрий, но тогда, в училище, мы полностью подпали под влияние Маяковского. Он был выше, значительнее,

---

[1] В. В. Маяковский. Полн. собр. соч., том 12. М., 1959, стр. 363.

необычнее любого из нас. Когда он уходил, училище словно пустело, а мы возвращались в мастерские, заряженные его энергией.

Шли месяцы. Маяковский был уже известный в Москве поэт-футурист. На его выступлениях зал бывал переполнен. В училище он стал появляться в цилиндре и желтых перчатках. Не снимая перчаток, накупал в чайной пирожных, поглощал их штук по десять и угощал товарищей. Он ухитрялся разговаривать сразу со всеми, часто говорил стихами, что нам очень нравилось.

Как-то «левые» художники устроили на Большой Дмитровке выставку своих произведений. Были среди них работы Шагала и Кандинского. Вместе с подругами мы направились в этот зал, расположенный на третьем или четвертом этаже, почти пустой. Вглядывались напряженно в сочетания красок и ломаных линий. Хорошо помню один пейзаж Шагала: коричневые крыши домов, оранжевые проблески стен, а в голубом небе летит человекоподобное существо. Эта картина особенно ярко встала передо мной, когда в 1974 году старый Марк Шагал посетил СССР и в «Литературной газете» появилась об этом статья Б. Галанова «После свидания с Москвой». Я обратилась с просьбой к Галанову передать мое письмо Шагалу, пусть знает, что живы люди, которые помнят выставки его ранних работ.

Пока мы пытались на той далекой выставке 1915 года постичь смысл нового искусства, послышались тяжелые шаги, смех и говор. Это пришел Маяковский с Бурлюком и Лентуловым, авторами многих выставленных холстов. Все мы чинно уселись, а Маяковский, встав перед полотнами в эффектную позу, стал «разъяснять», что изображено перед нами, причем, все «объяснения» были в рифму. Об одном натюрморте, где совсем ничего нельзя было понять, он сказал: «На лиловом фончике — зеленые лимончики». Никаких лимонов там не было, но после этого стишка как будто что-то обозначилось...

Мы чувствовали доброту, задиристость и силу, которые исходили от этого юноши.

В двадцатые годы я не была в Москве и знаменитых выступлений поэта не слышала. Последний раз я видела Маяковского после рокового выстрела, который потряс всю страну. Прощание с умолкшим трибуном происходило в клубе Федерации писателей, на улице Воровского, в том особняке, который описан Л. Толстым в «Войне и мире». Маяковский лежал спокойно прекрасный. Черно-пурпурные знамена склонились над ним. Музыка Шопена заглушала рыдания. Тысячи людей пришли проститься, проводить. Вместе с ними я дошла до крематория. Туманный,

сырой день 17 апреля 1930 года никогда не изгладится из памяти.

Тогда же по своему рисунку с натуры в профиль я сделала первый скульптурный барельеф поэта, каким запомнила его в последние минуты. Никогда не покидало меня желание рассказывать о нем, привлекать к нему новых сторонников. В конце шестидесятых годов возникла большая переписка с Клубом друзей Маяковского в городе Калинине. В сентябре 1967 года в Москве я познакомилась с худенькой, больной, но очень радушной сестрой поэта Людмилой Владимировной, оставила ей копию барельефа и свои воспоминания. Первый бюст Маяковского я сделала в 1951 году по фотографиям, которые мне прислали из московского музея поэта. Эту работу я подарила женскому педагогическому институту имени В. В. Маяковского во Фрунзе, а себе оставила мраморную копию. В память об этом удивительном, прекрасном, искреннем и сильном человеке вылепила несколько его барельефов. Они подарены калининскому Клубу друзей поэта, московскому музею Маяковского и литературному институту, Ошскому педагогическому и Лебединовской школе во Фрунзе. Презрение поэта к накоплению вещей, нетерпимость его ко всему, что уродует жизнь, вмешательство в жизнь во имя справедливости стали частью и моего характера. Жить по-маяковскому. Так хотелось в молодые годы. Так хочу и сейчас.

НАЧАЛО

К началу 1917 года я начала самостоятельную жизнь. В 1917 году окончила училище живописи, ваяния и зодчества, вышла замуж за своего товарища по классу скульптуры — А. А. Мануилова. Мы горели желанием работать, в голове теснились дерзкие замыслы. Революции не исполнилось и полгода, когда 15 апреля 1918 года В. И. Ленин подписал декрет о памятниках республики. Декрет обращался непосредственно к нам, скульпторам. Молодая республика призывала вынести искусство на улицы и площади, разрушить стену, которую воздвигали господствующие классы старой России между красотой и народом.

Недавно с волнением прочла воспоминания Н. Д. Виноградова, старого большевика, ответственного за осуществление ленинского плана монументального искусства[1]. Николай Дмитриевич рассказывает, как в Москве убирались памятники царям и их слугам. Вспоминаются о том же слова Маяковского из стихотворения «Радоваться рано»:

Сейте смерть во вражьем стане.
Не попадись, капитала наймиты.
А царь Александр на площади Восстаний стоит?
Туда динамиты!

Им имелся в виду памятник Александру III на Знаменской площади в Петрограде. Его действительно скоро

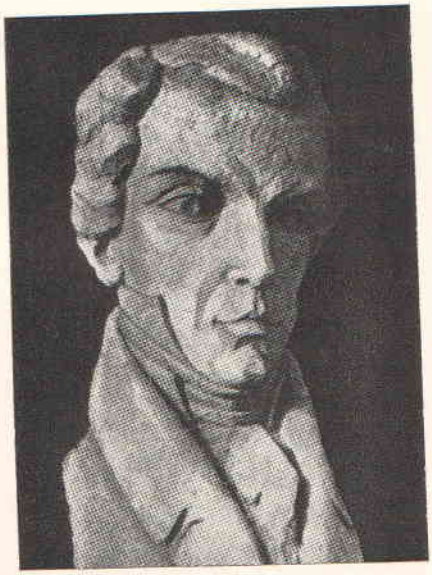
Ольга и Аполлон Мануиловы. 1917.

[1] Николай Виноградов. «Пусть памятники станут агитаторами»... Панорама — 9. Ежегодник по искусству для молодежи. М., «Молодая гвардия», 1977.

сняли. Правда, Советская власть поступала разумней, чем предлагал в запальчивости молодой поэт. Когда ликвидировали другой памятник тому же царю в Москве, перед храмом Христа Спасителя, динамитом не пользовались, а разбирали каждую часть монумента аккуратно, и в итоге было получено 50 тонн великолепной бронзы.

Одновременно в Москве и других городах РСФСР возводились памятники в честь выдающихся революционеров и мыслителей. Сегодня легко узнать, кого именно революция собиралась почтить в первую очередь[1]. В. И. Ленин говорил Виноградову, что не следует забывать юбилейные даты «того, кому памятник ставится, и того, кто ставит памятник, автора»[2]. Среди последних — много знакомых имен: мои сокурсники С. Сырейщиков, автор памятника А. В. Кольцову, Б. Сандомирская, отлившая из бетона фигуру Робеспьера. Белобандиты взорвали этот монумент. Они воевали с памятниками, как с живыми людьми. Памятник Т. Г. Шевченко Сергей Михайлович Волнухин делал для Трубной площади по эскизу сразу в гипсе. Такой ускоренный способ нас удивил. Но гипс не выносит влажности воздуха и морозов, через некоторое время фигура по-

Портрет К. Ф. Рылеева. 1918.



[1] «Список лиц, коим предложено поставить монументы в г. Москве и других городах»...— В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., ГИХЛ, 1957, стр. 521.

[2] Панорама — 9. М., 1977, стр. 14.

гибла. Ежегодник по искусству для молодежи поместил фотографию и моей первой самостоятельной работы — бюст К. Ф. Рылеева[1].

Работали мы тогда с А. А. Мануиловым одновременно, я — над Рылеевым, а он — над бюстом Жан-Жака Руссо. Аполлон Александрович трудился в своей крохотной мастерской на чердаке дома, а я — в нашей комнате, в доме по Скатертному переулку. Здесь, однако, было слишком тесно, и мы решили перенести работу на подмосковную дачу Мануиловых в Рыжково.

Скульптор я была неопытный и каркас для бюста сделала некрепко. Когда работа была почти закончена, многопудовая скульптура рухнула. Хорошо, что я успела вовремя отскочить. Пришлось все начинать сначала, а это было совсем непросто, потому что я ждала появления своего первого ребенка. Когда бюст Рылеева был закончен и принят комиссией, его отлили из цемента и установили на постаменте напротив Сущевско-Марьинского Совета депутатов. Там он простоял около восьми лет, а потом был убран в связи с реконструкцией Москвы.

Бюст Ж.-Ж. Руссо тоже перевели в цемент, но по какой-то причине не установили. А барельеф физика Лебедева, сделанный Мануиловым, укрепили на одном из шестиэтажных зданий столицы. Летом 1919 года Политехнический музей принял у меня новую работу — бюст изобретателя парового двигателя Джемса Уатта. Мы становились профессионалами. Но ход событий надолго оторвал от любимой скульптуры.

---

[1] О нем упоминается в книге: В. И. Ленин и изобразительное искусство. Документы. Письма. Воспоминания. М., «Изобр. иск-во», 1977, стр. 332.

Для А. А. Мануилова и меня вопроса принимать или не принимать революцию не было. В первые же месяцы после Октября мы стали работать по заданиям Советской власти. Без колебаний сделал выбор и мой отец. Революцию он встретил в Петрограде, но, как санитарный врач Красной Армии, снова был направлен в Ташкент для организации медицинской работы среди местного населения. Как всегда, мать не стала разлучаться с мужем. Она была верным его спутником во всех невзгодах и трудностях жизни. Родители уехали, и мы надолго потеряли с ними связь. Поезда на юг почти не ходили, прервалось и почтовое сообщение.

Время было тревожным. Едва родилась наша дочь Марина, как я с крошкой на руках оставила квартиру — в ней почти на две недели устроили засаду красные латышские стрелки. В том, что частная квартира превратилась в боевой пост, по тем временам не было ничего удивительного. Москва жила среди стрельбы и заговоров.

В декабре 1919 года после разгрома атамана оренбургского казачества Дутова в Москву прибыла первая делегация Туркестана во главе с председателем Ахунбабаевым. Я обратилась к нему, рассказала, как давно мы связаны с Ташкентом, где сейчас работает мой отец, от которого уже два года нет вестей. Сказала, что мы с мужем хотели бы работать в Азии. Ахунбабаев быстро все понял и ре-

П. Г. СКОСЫРЕВ

шил — мы получили предписание, открывавшее дорогу на юг. Это была одна из самых тяжелых дорог в моей жизни. Выехали мы из Москвы 25 декабря 1919 года, а добрались до Ташкента только 1 мая 1920 года.

Грузились на Казанском вокзале в страшный мороз. На саночках поместили четверть с керосином для коптилок, куски мыла для меновой торговли, пеленки, тюфяки, бытовые и скульптурные инструменты. Стоял состав далеко на запасных путях. Во тьме провожал нас только шестнадцатилетний брат Мануилова. Едва забросили в вагон часть имущества, как поезд тронулся. Большая часть вещей осталась в Москве. Вагон был набит битком. Холодно, неуютно. Кое-как пристроилась с дочкой на чьих-то узлах.

Утром при свете, пробивавшемся сквозь обледенелые окна, мы обратили внимание на молчаливого юношу в солдатской шинели. Через плечо у него висела полевая сумка, а у ног примостился небольшой чемоданчик. Светлые, ясные глаза, каштановые волосы, книга в руках — все в нем располагало. Кругом бранились, спрашивали, что на что меняется, играли в карты, а молодой человек в этой взвинченной обстановке спокойно читал. Мы познакомились.

Это был Петр Георгиевич Скосырев (1900—1960 гг.), впоследствии писатель, создавший хорошие книги об истории Средней Азии и ее нынешнем дне. Он написал много работ о туркменской литературе, переводил на русский язык сочинения узбекских писателей. Ко времени нашего знакомства Пете было всего девятнадцать лет. Его направили в Туркестан для культпросветработы среди бойцов создававшейся Красной Армии. Он стал нашим верным другом и незаменимым помощником. «Оле Мануиловой — с любовью» надписал он свой роман «Стрелок из лука» 11 мая 1959 года, и я бережно храню эту книгу. Доброта и веселость Пети, его расторопность и изобретательность не раз выручали нас из нелегких положений. Как-то на одной станции он вернулся в вагон, ликуя, бережно неся перед собой полную миску простокваши. Расплатиться деньгами, керенками, было невозможно, ибо «лимоны» (т. е. миллион рублей) катастрофически падали в цене. Скосырев, немного знакомый с хиромантией, нагадал девушке на перроне по линиям руки такую хорошую судьбу, что она отблагодарила его кислым молоком.

Часто состав останавливался в снежном поле: то заносило пути, то кончалось топливо. Все пассажиры, кроме меня, матери с грудным ребенком, выходили рубить лес, расчищать дорогу, потом вваливались,

обледенелые, внося облака морозного воздуха, и поезд двигался дальше. Немного отдышались мы на станции Сасово, где теперь работал агрономом мой дядя А. А. Цявловский, вернувшийся из Германии в самом начале революционных событий. С упоением поглощали мы блины, давным-давно забытые, и горячий чай. В дорогу Александр Александрович дал нам большого жареного гуся. Мой муж, по убеждениям строгий вегетарианец, ел гуся в обществе Пети Скосырева, который тоже на этот раз отступился от толстовской диеты.

По стране свирепствовал тиф. Настиг он и наш вагон. Болезнь захватила Аполлона Александровича и Петю во время расчистки путей. У них резко поднялась температура. Наши соседи, поняв, в чем дело, разбежались по другим вагонам на первой же остановке. В Самаре подъехала колымага с санитарами, и наших больных увезли. Покинули меня с дочкой и проводницы. Поезд не двигался. Я сидела с Мариночкой, закутанной во все одеяла, чувствовала, как пробирается холод в вагон, глядела во тьму, глотала слезы и обдумывала наше отчаянное положение. Так и не выпуская ребенка из рук, выбралась, насобирала каких-то поленьев, вернулась, растопила буржуйку. Сварила манную кашу, покормила малышку и пошла просить соседей, чтобы кто-нибудь побыл с ребенком, пока я узнаю, что с нашими больными, где они. Часовой в черной кожаной куртке, в таких же штанах, с пулеметными лентами наперекрест груди, узнав, что я «из тифозного», ни в какую не хотел выпускать. Кто-то из сердобольных пассажиров его утихомирил, взял девочку, и я отправилась искать наших.

Врачи в госпитале определили, что у моего мужа сыпной тиф, а у Скосырева — возвратный. Как-то Мариночку стало рвать, и я подумала, что у нее — скарлатина. Тут у меня разыгралась адская мигрень — впервые в жизни. Свойств этой болезни я еще не знала. Все, думаю, кончено: муж в госпитале, я умираю, всем мы тут чужие, и никто из родных не знает нашего адреса. Монашка, сидевшая рядом, безучастно смотрела на наши муки и шептала молитвы—может быть, о том, чтобы нас скорее бог прибрал.

...Первым вернулся из больницы Петя, истощенный, но бодрый. Экзотика жилища его не смутила. Скосырев быстро понял, как подойти к монашке, и скоро они мирно беседовали на душеспасительные темы. Вернулся и Аполлон Александрович. Новый гром проклятий со стороны матушки Татьяны — ведь в женском монастыре нельзя жить мужчинам. Но теперь с нами был чудесный громоотвод. Совсем молодой, тоненький, как былинка, Петя умел расположить к себе и вызвать

улыбку у самых обозленных людей. Мануилов был так слаб, что почти не поднимался с постели. Деньги наши иссякали. Пошли в ход куски мыла, которые мы когда-то не без смущения взяли с собой в Москве. Обмен на картошку позволил еще немного продержаться. И опять несчастье — у Аполлона Александровича обнаружился возвратный тиф! Его увезли. Монашка пожелала ему смерти, а мне — выйти замуж за Петю. Я плакала, поражаясь ее жестокости.

В лазарете среди больных бегали крысы. Бывали случаи, когда эти твари, тоже изголодавшиеся, кусали людей. Главный врач, узнав, что Мануилов — художник, предложил ему, насколько позволяли силы, рисовать плакаты по борьбе с тифозной вошью, с буржуями и белогвардейцами. Мануилов взялся за кисти. Ослабевший, худой, он делал в Самаре то же, что Маяковский в это время в московских «Окнах РОСТА». Мы так издержались, что я снова обратилась за помощью в Реввоенсовет. Через некоторое время пришла туда телеграмма за подписью М. В. Фрунзе: «Выдать двум командированным Мануиловым три военных пайка».

С этой вестью, как на крыльях, прилетела я в нашу келью. С неизменными саночками отправились мы на склад и привезли целое богатство: замороженного теленка, сахару, муки, громадные круглые буханки хлеба, соль, мыло. Тут же поделились с матушкой Татьяной и этим несколько ее смягчили.

Два с половиной месяца не могли мы тронуться с места. Наконец открылась возможность ехать дальше: все немного окрепли, и Реввоенсовет выделил нам места в санитарном поезде, который отправлялся в Ашхабад на борьбу с чумой.

В конце марта, когда побежали по Самаре ручьи, мы попрощались с Татьяной, подобревшей от тепла, пайка и, главное — от нашего отбытия. На вокзале хорошенько попарились в бане, что было великим достижением профилактики, и тронулись в путь. В чистых вагонах царило молодое веселье: весь поезд заполнили медсестры, санитары, доктора. Вдоволь имелось лекарств и продовольствия. Опять за окнами — картины разрушения, снова остановки и поиски топлива, но теперь все выглядит иначе. Дни длиннее, вести о победах Красной Армии приходят чаще, и мы едем, победив тиф и все горести прифронтовой зоны. Видели мы немало агитпоездов, которые подолгу стояли на станциях. Все стены вагонов размалеваны политическими карикатурами в кубистском стиле. На импровизированных подмостках выступали ораторы и артисты. Казахи съезжались к таким поездам на лошадях, привозили

на верблюдах жен и детей и жадно слушали о том, что происходит в стране.

На станции Эмба окликнула Скосырева девушка. Это была Рина Зеленая — молодая, стройная, красивая. В агитколлективах она выступала как певица. Скосырев был удивлен и обрадован. Становилось все теплее. Близился Первомай — третий май молодой республики. По заданию начальника поезда мы сели за агитплакаты, расписывали золотыми буквами красные знамена.

Недалеко от Ташкента весна щедро разбросала по полям тюльпаны. Поезд шел так медленно, что мы соскакивали на ходу и рвали целые охапки. Вагон пламенел от цветов. Одна медсестричка так увлеклась, что едва успела вскочить в последний вагон. Туфли она потеряла, но букет не бросила.

Дома нас встретили слезами радости. Родители почти не надеялись увидеть нас в живых. А мы — вот они: худые, оборванные, босиком, но здоровые и с новым человечком — маленькой Мариной.

ШКОЛА В. Ф. ЛУБЕНЦОВА

В Ташкенте тоже жилось трудно: дороговизна, спекуляция. Но теперь все были вместе, и страхи отступили. Нас, молодых, радовала всякая мелочь. В семье моих родителей до революции был достаток, но не было культа вещей. Легко снимались с места, без проволочек расставались с мебелью, без вздохов обживались в новых городах. Вот и сейчас отец, озабоченный дальними поездками в качестве санитарного инспектора, начиная новое для нашей армии дело, никогда не жаловался. Мама предоставила половину квартиры детям-сиротам и стала заведующей и воспитательницей этого первого в Ташкенте детского сада. Брат Сергей, почти ровесник Пети Скосырева, служил в Красной Армии, боролся с басмачами. Сестра Наталья работала медсестрой. Скосырев первое время жил с нами, а потом переселился в военную часть. Все старшие сразу приняли его как родного. Жили мы просто. Вечерами при луне собирались под открытым небом за самоваром, и каждому было что рассказать. Потрепанный внешний вид никого не смущал. Сколько было смеха, когда я сшила каждому, не забыв и Петю, туфли из парусины! При ташкентском солнце — вещь немаловажная, ибо особенно нестерпимо раскалялись железные ступени наркомата искусств.

Нарком по делам искусств — молодой архитектор А. Г. Мордвинов — сразу определил нас к делу. Все художники были мобилизованы на идео-

логическую борьбу с басмачами и интервентами. Нашим оружием стали кисти и краски. По собственным рисункам, утвержденным ЦК республики, мы размножали нашу продукцию, а утром ее развозили по кишлакам и дальним заставам. Часто спешная работа длилась до самого утра.

Мы высмеивали надменных англичан-колонизаторов, которых тащили худые рикши-индусы. Клеймили бай-манапов — врагов дехкан. В наших плакатах разгуливали круглые, как шары, муллы, обирающие легковерных мусульман. Несознательные мужья истязали безответных жен. Первый плакат по раскрепощению женщин Узбекистана с сатирическими стихами на узбекском языке сделан мною. Его напечатали в красках в большом количестве и расклеивали на дувалах, в учреждениях и школах. К сожалению, ни одного экземпляра не сохранилось. Надписи я делала арабскими буквами на узбекском языке.

Все мы были изобретательны и задорны. Каждая удачная выдумка вызывала гомерический хохот. Среди нас были замечательные люди. Прекрасно рисовал Б. А. Лавренев (1891—1959 гг.), позднее — известный писатель, автор знаменитых повестей «Ветер», «Сорок первый», «Седьмой спутник». Драма «Разлом» в конце двадцатых годов поставила его в число лучших советских драматургов. Моя сестра Наташа стала его женой.

Работа снова свела меня с художником Волковым, с которым мы познакомились еще до моего поступления в московское училище. Влюбленный в Азию, ее природу и людей, он бродил с этюдником по окрестностям Ташкента. Черный плащ и берет сразу обозначали его профессию. В двадцатых годах в Ташкенте устроили большую выставку работ Волкова, написанных в духе кубизма, футуризма, супрематизма. Не все понимали и принимали новую живопись, но все чувствовали душу живописца, его неподдельный творческий пафос.

Очарованный Самаркандом, он изучал узбекский язык, хорошо знал национальную культуру. Ходил в тюбетейке и шортах, босиком или в легких сандалиях, с шестом в руке, и уже одним видом говорил об эстетике новой жизни. Снова свело нас время в конце тридцатых годов, когда мы работали над оформлением узбекского павильона на ВДНХ в Москве.

К пятидесятилетию Парижской коммуны нам поручили сделать ряд плакатов на эту тему. Отвели для работы помещение бывшего магазина Яушева на Кауфманской улице (ныне К. Маркса). Сильные электролампы заливали светом временную мастерскую, а у окон, не

отходя, толпились любопытные — такого здесь еще не видали. Я нарисовала женщину, расстрелянную версальцами, и рядом с нею — плачущего ребенка. Красный кармин подчеркивал героику Коммуны. Усто Мумин в это время призывал дехкан к коллективному труду, рисовал плакат о том, что допотопный омач пора сдать в музей. Такая работа совершалась, повторяю, по ночам, ибо днем ждало другое дело.

В начале 20-х годов возникла идея создания в столице Узбекистана первого художественного училища для местной молодежи. Если вспомнить, что коран запрещает изображать людей и животных, а среди узбеков почти не было профессиональных художников, легко понять, с какими трудностями столкнулась эта идея. Училищу отвели двухэтажное здание бывшей мануфактуры на площади Эски Джува. Живопись вел молодой художник из Москвы Кирилл Федорченко, мне поручили преподавание скульптуры.

Жили мы в Карташевском переулке, который теперь назван именем Лавренева. Добраться на работу за несколько километров можно было только пешком. Дом наш был настоящей богемой, веселой, но без всякого порядка. Электроплиток тогда в помине не было. Топлива почти не достать, так что обедали нечасто. Мебели было так мало, что на ночь Федорченко укладывался на столе. Прохожие, принимая его за покойника, ахали, а мы смеялись. Позднее, получив пустую комнатушку в училище, Кирилл, к великому удовольствию учеников, заворачивался перед сном в большой ковер. Просыпались мы на Карташевском раньше всех. По пути на работу заворачивали на Воскресенский базар, выпивали сырые яйца, прихватывали лепешек с виноградом и завтракали в пути.

Вывеску для училища выпало сделать мне. На большом фанерном листе старинным арабским шрифтом, заимствованным с изразцов Гур-Эмира, я написала название нашего заведения. Орнаментальные белые буквы извивались по темно-синему фону цвета древней керамики. С тех пор я влюбилась в суфическое и куфическое письмо, изучила арабский алфавит, научилась писать на нем имена близких и стала понемногу вводить его как декоративный элемент в свои работы на национальные темы.

Конечно, тяга к новому среди молодежи была сильна. Состав учеников пестрый: арбакеши, сапожники, молотобойцы, горшечники, столяры и плотники, чернорабочие. Их работы по живописи и скульптуре поражали своеобразием и наивностью. Юношей в столовой училища кормили бесплатным обедом. Ни одной девушки среди учеников не бы-

ло. Все женщины ходили тогда, еще укрытые чачваном, в паранджах.

Самые светлые воспоминания этого времени связаны с работой в трудовой школе имени К Либкнехта в 1920—1923 годах. Школа эта, замечательный опыт молодой советской педагогики и заслуживает того, чтобы о ней рассказать подробней, хотя это уже сделано ее бывшими педагогами и воспитанниками[1]. Когда создавалась книга о школе, А. А. Мануилов и я предложили составителям свои воспоминания, и они частично вошли в эту книгу. Воспитанница Е. Богданова пишет: «Была и скульптурная мастерская. Педагоги, супруги Мануиловы, учили детей лепке из пластилина. Они же преподавали в классах. Сначала лепили фрукты, а позднее бюсты»[2].

Создание школы связано с именем прекрасного педагога В. Ф. Лубенцова, заслуженного учителя Узбекской ССР. Наша семья познакомилась со Всеволодом Федоровичем еще до революции, в ту пору, когда он был директором ташкентского реального училища, где в 1912—1914 годах учился мой брат. Справедливый, добрый, тактичный, обладающий обширными знаниями, он выделялся среди немногочисленной русской интеллигенции. Совершенно естественно, как к главному делу жизни, пришел Лубенцов к идее образования трудовой школы, когда так много было бесприютных и осиротевших детей и не всякая семья могла прокормить своего ребенка. Вместе с Верой Андреевной Чинновой создавали они первые программы, с огромным трудом добывали необходимое оборудование, сами приводили детей в этот интернат и старались сделать его для голодных, не знавших ласки ребятишек родным домом. В 1920 году школа еще не имела самого необходимого, но А. А. Мануилов и я с радостью приняли предложение Всеволода Федоровича работать с ним. Переселились втроем в село Никольское (потом — Луначарское). Здесь же наша семья увеличилась: в 1921 году родился сын Александр.

Коллектив педагогов был исключительно дружным. Дух труда, гуманности, любви к детям царил во всех уголках школы, во всех ее делах. И нам с первых дней захотелось отдать максимум знаний и сил для общего дела, для процветания школы. Труд занимал в ней главное место. Дети окапывали деревья, нарезали тутовые ветви для кормле-

---

[1] Академик Я. Х. Туракулов, общ. ред. Трудовая опытно-показательная. Опыт построения школы-коммуны им. К. Либкнехта в пос. Луначарское (1928—1931). Сборник воспоминаний трудовиков-коммунаров. Ташкент, «Куитувчи», 1976.

[2] Там же, стр. 109.

ния шелковичных червей, очищали яблони от вредителей. Кроме преподавания физики и химии, Всеволод Федорович увлекался разведением пчел и многих детей приохотил к тому же. Бывали, возможно, ошибки, но они тут же исправлялись. Революция создала многих людей, которые идейные вопросы ставили выше материального благополучия. Жили скудно, терпели всяческие лишения, но не обращали на них внимания. Мы были упоены безграничными возможностями творить новую жизнь.

Для уроков рисования в старших классах были необходимы иллюстрации по истории искусства. Найти их в Никольском, конечно, невозможно. Мы с мужем ездили в город, набирали книг и делали тщательные копии знаменитых шедевров, а потом приносили их на урок.

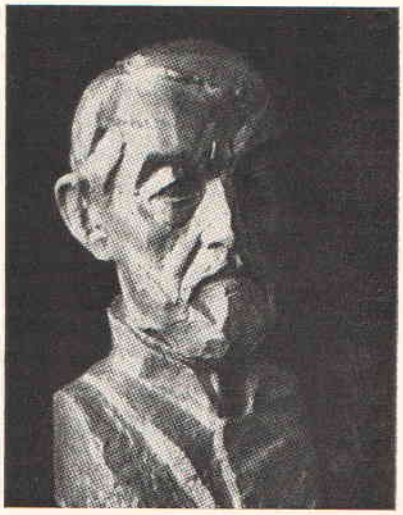
Школа была одной дружной семьей, впитавшей честные, гуманные идеи коммунизма. До наших дней сохранила я связь с детьми ее первых учителей. А в 1970 году меня навестил один из первых воспитанников — Василий Иванович Холопов с женой.

Счастливы художники, которые могли полностью отдаться служению искусству. А женщина-жена, мать, связанная двумя малыми детьми, постоянной заботой о хлебе насущном? Мой муж Аполлон Александрович тяжело болел в течение нескольких лет. В 1922—1925 годах он почти не поднимался с постели. И вся тяжесть забот о семье легла на меня. Приходилось браться за любую работу. Из-за состояния здоровья мужа мы поселились в Крыму, в небольшой татарской деревушке Кореизе. Сняли крохотный домик, совершенно пустой, с земляным полом и дырявой крышей. Шкафами стали фанерные ящики, а спали мы на таких узбекских сетках, какие я научилась плести еще в Карповке. Работы по скульптуре не было никакой. Я готовила в школу татарских детей, занималась с ними математикой и русским языком. Водила экскурсии в Воронцовском дворце и ежедневно ездила из Кореиза в Алупку на велосипеде. Летом нашлось место библиотекаря в санатории ЦЕКУБУ — Центральной комиссии по улучшению быта ученых, созданной в начале революции под руководством А. М. Горького, и я с радостью взялась за это новое для меня дело.

В санатории часто бывали самодеятельные постановки. Мы с Аполлоном Александровичем принимали в них деятельное участие как декораторы, изобретали костюмы и реквизит. Вспомнили опыт, приобретенный в студенческие годы, когда с удовольст-

И. Д. ШДАР, О. Ю. ШМИДТ

Портрет писателя Елпатьевского. 1927.



вием выполняли в Художественном театре дружеские задания К. С. Станиславского. В одном из крымских спектаклей я исполняла бессловесную роль статуи Афины Паллады. Большой успех имел мой шлем, сделанный собственноручно из выдолбленного арбуза и с дополнениями по античному образцу. Известный режиссер Завадский, бывший гостем спектакля, похвалил нашу бутафорию. Тогда я не подозревала, что придет время, и я уже всерьез буду заниматься бутафорией в Киргизском театре оперы и балета.

Бывшая библиотека графини Паниной в санатории насчитывала шесть тысяч томов. Десятилетиями собирали здесь редчайшие книги, лучшие издания на многих иностранных языках, даже на латинском. Я изучила весь фонд. Сколько интереснейших бесед возникало с читателями: ни в чем так не раскрывается человек, как в своих переживаниях, вызванных умной книгой.

В санатории бывали многие известные люди. Здесь я, незаметная библиотекарша, познакомилась с С. Я. Елпатьевским, дружившим со многими великими писателями конца прошлого века и с замечательной революционеркой В. Н. Фигнер. Ее воспоминания «Запечатленный труд» были для меня чтением, укреплявшим в собственных духовных поисках. Я восхищалась умом и мужеством этой женщины, видела в ней свой идеал. Частыми посетителями нашей библиотеки были молодые поэты Александр Жаров, Иосиф Уткин, Джек Алтаузен. Конечно, сама возможность видеть таких людей была счастливой и редкой. Многие соглашались позировать. Я вылепила бюсты В. В. Вересаева, С. Я. Елпатьевского, индийского журналиста, приехавшего к нам по путевке Коминтерна, Датт Али-Датта, литератора из Судана Куэку Банколли, поэта, переводчика и шахматиста В. И. Нейштадта. Не берусь судить о художественной стороне этих скульптур, но документальная ценность в них была. К несчастью, эти работы, дорогие как память о замечательных людях, во время войны погибли в моей московской мастерской.

Среди тогдашних встреч большое значение для меня имели беседы с искусствоведом Базыкиным, с антропологом А. И. Ярхо. Такие люди расширяли кругозор, заставляли больше читать и глубже думать, рекомендовали книги, о существовании которых я не подозревала. Я же в свою очередь рассказывала о Крыме, который изучала по книгам и воочию. Но настоящая дружба завязалась с двумя людьми, каждый из которых по-своему необыкновенен.

Удивительно сердечно отнесся ко мне Иван Дмитриевич Шадр, за-

мечательный мастер скульптуры. Созданная в то время его работа «Булыжник — орудие пролетариата» репродуцировалась на открытках, обложках журналов и почтовых марках. Романтический порыв, чувство национального характера, смелость обобщений и презрение к мелочному правдоподобию — вот чем покорял Шадр. В его работах нашли разрешение те споры, которые шли, когда я училась у С. М. Волнухина и в то же время поклонялась Маяковскому с его революционной эстетикой. Это было новое искусство, в котором объединились реализм и революция, жизненность и одухотворенность.

Работы Шадра лишены статичности академической скульптуры, но в то же время далеки от формалистических перегибов. Это тот синтез, о каком мы мечтали в стенах училища.

Знакомство наше началось с того, что Иван Дмитриевич поинтересовался, где я беру глину для лепки. Он только что вернулся с Закавказской гидроэлектростанции, где устанавливал колоссальную фигуру В. И. Ленина (высота вместе с пьедесталом — 25 метров). На окраине Москвы собрали из фанерных щитов и дерюг временную мастерскую с подвижными стенами, так что можно было их снять и видеть монумент издали. К фигуре подвели телефонный провод, и Шадр давал указания по телефону, а его помощники резали и наращивали куски глины, пока фигура не приобрела нужный вид. Все это было интересно, поучительно и необыкновенно. Никто из скульпторов еще так не работал.

...Как-то после концерта Шадр предложил мне погадать по руке. Спокойный, уверенный голос, славная манера говорить, его подход ко мне, как к младшему собрату, очень меня тронули. Его проницательность ошеломляла. Тот разговор в гостиной заставил меня подтянуться, больше поверить в себя. Я увидела человека, который сделал в искусстве то, о чем я так много и исступленно мечтала.

Еще раз мы встретились в апреле 1933 года на торжественном вечере, посвященном открытию выставки «Пятнадцать лет РККА». Много добрых слов говорилось о содружестве армии с художниками, и для меня, приехавшей в Москву из Кронштадта, эти слова были полны самого глубокого смысла. Вечер закончился поздно, и Иван Дмитриевич вызвался меня проводить. Шадр вспоминал свое детство и юность, рассказывал, как бродил с дедушкой по земле и как много дали ему для понимания жизни простые деревенские люди. Сидя прекрасной весенней ночью в сквере у Большого театра и слушая его рассказы, я как будто читала книгу талантливого писателя.

Однажды захотелось посмотреть, как работает Иван Дмитриевич, и я, не спросив, отправилась в его мастерскую. Шадр приоткрыл дверь и сказал: «Когда я работаю и пока работа не кончена, я никого не впускаю». Я не обиделась и поняла, что только так и надо трудиться,— наедине с собой, без посторонних взглядов.

Позднее в МОССХе я восхищалась проектами Шадра — памятниками Горькому и Пушкину. Изумительно его надгробье Н. С. Аллилуевой. Кажется, художник понял всю трагедию ухода из жизни прекрасного человека.

* * *

С Отто Юльевичем Шмидтом, замечательным географом и путешественником, дружба началась с того, что я вызвалась быть его гидом по горам и пещерам Крыма. Конечно, в таких прогулках Шмидт мог рассказать мне куда больше, чем я — ему. Чувствуя его симпатию и доброту, я одновременно сознавала, как бесконечно мало знаю, и удивлялась, что он нашел занимательного в такой недоучке и дикарке. Как-то возникла мысль отправиться пешком из Кореиза в Бахчисарай, за пятьдесят километров. Нас восхищал лес на Ай-Петри, море, ущелья, горные потоки. Отто Юльевич вспоминал свои путешествия по Альпам, по городам Европы, попутно знакомил с происхождением глины и мела, что мне как скульптору было особенно интересно. Его геологические познания казались неисчерпаемыми. Шмидт отправился в путь в специальных альпийских ботинках, привезенных из Швейцарии, а я— в самодельных чувяках на мягкой войлочной подошве. Каждый нахваливал свою обувь. К концу путешествия Шмидт стал прихрамывать — его патентованные башмаки натерли ноги, и он позавидовал моим чоботам. У Бахчисарая мы, к собственному конфузу, попросились на попутную телегу. Дорожная пыль так густо покрыла наши лица, бороду Шмидта, что возница сказал: «Садись уж, дедушка со внучкой!» Это нас немало насмешило: «дедушке» было 35 лет, а «внучке» — 32. В Бахчисарайском дворце нам отвели для ночлега две ханские комнаты, а утром мы поехали поездом в Симферополь, а оттуда—в Севастополь, чтобы побывать на раскопках Херсонеса.

Возвращаться в Севастополь Шмидт предложил по морю, на лодке. Рыбаки согласились нас подвезти. Натянули парус, и мы поплыли. Неожиданно разыгрался шторм. Лодка перестала слушаться руля. Нас понесло к берегу, на скалы. Глядя на серьезные лица рыбаков и Шмид-

та, я, тогда мало знакомая с морем, поняла, что нам грозит опасность. Плавала я хорошо и надеялась, что выплыву, если перевернемся. Наши кормчие спустили парус и налегли на весла. Скалы неумолимо приближались. И тут нас выбросило на песок в нескольких шагах от утесов. Когда мы, насквозь мокрые, но счастливые, отдышались, я спросила Отто Юльевича, почему он так побледнел,— ведь он отличный пловец.

— Боялся, что промокнет партбилет,— сказал он с улыбкой.

Чтобы скорее согреться, мой спутник предложил обернуться газетами, как делают лондонские нищие. Перед тем, как сесть в автобус, мы так и сделали, и это на самом деле помогло.

Страсть Шмидта к знаниям поражала. В библиотеке, когда-то принадлежавшей графу Воронцову, недругу Пушкина, Отто Юльевич брал редкие книги на латинском и итальянском языках, знакомился со старинными фолиантами в тисненых переплетах и переводил вслух интересующие его страницы.

Наша дружба не прервалась с отъездом Отто Юльевича. Я просто благоговела перед умом, добротой и эрудицией этого человека. Часто писала ему, но не всегда решалась отправить. Неизменно внимательный и ласковый, Отто Юльевич входил во все мои заботы. Зная, как я нуждаюсь, подыскал мне работу по иллюстрированию в Большой Советской Энциклопедии. Отправляясь в 1928 году в Памирскую экспедицию, предложил отправиться с ними в качестве художника. Предложение было более чем заманчивым, а трудности переходов меня не пугали. Но, не решаясь оставить детей, я отказалась. Зимой 1929 года в Ленинграде Шмидт сделал в Доме ученых увлекательнейший доклад об этой экспедиции, о суровой красоте нетронутой природы Памира, о смелости наших альпинистов. Полярная эпопея, связанная с дрейфом ледокола «Челюскин», была еще впереди, но уже тогда все понимали, какой большой ученый, прекрасный организатор и мужественный человек Отто Юльевич Шмидт.

После доклада он продолжал вспоминать подробности экспедиции. На всю жизнь запомнились слова: никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя терять веру в себя и в свои силы. Нельзя отчаиваться. Надо крепко держать себя в руках, быть уверенным в победе и тогда победишь. Это были не просто слова: сам Отто Юльевич был именно из таких людей.

Навещал он меня и в модельной мастерской Центрального Военно-Морского музея в Ленинграде. Если видел какие-то неточности в работе, то просто и дружески указывал на них. Как-то он пришел в

мою комнатушку на Фонтанке, а потом через чердачное окно вылез на плоскую крышу семиэтажного дома, куда я в погожие дни переносила работу. Солнце и город, лежащий под нами, привели его в отличное расположение духа. Он согласился со мной, что во всех больших городах крыши давно пора использовать для отдыха и работы, а ночами для сна. Отто Юльевич говорил, что сон в спальном мешке на открытом воздухе — самое большое для здоровья дело. Сам он, даже живя в городе, отправлялся зимой на ночевку в лес и спал прямо на снегу.

В 1956 году Отто Юльевича не стало. Я очень уважала и любила его жену Веру Федоровну, вылепила ее бюст, а потом — и барельеф своего большого друга. Его жизнь, деятельность, знания, заветы и доброе отношение к людям и природе, необыкновенная чуткость ко всему живому останутся в памяти навсегда. Я счастлива, что была его современницей. Он одарил и меня теплом своего сердца.

В августе 1927 года в Крыму разразилось землетрясение. В этот день я поднялась рано и отправилась в деревню. Вдруг поднялся грохот, земля задрожала. С Ай-Петри покатились вниз громадные камни. Опрометью кинулась назад — спасать детей, которые спали на втором этаже. Но их уже разбудили и вынесли. Все изменилось в считанные минуты. Люди спешно покидали жилища, вчера еще такие родные и уютные, а теперь ставшие угрожающе враждебными. Обваливались глиняные заборы, разноцветные домики превращались в груды развалин, матери прижимали к себе детей, собаки, испуганно дрожа, выли и теснились к людям.

Приезжие стремились как можно скорее покинуть землю, вдруг изменившую людям. Бросали дома, вещи, мебель — то, что недавно считалось таким дорогим и важным. Уехал и Мануилов со старшей дочерью, а я с малышами осталась.

Странно выглядели пляжи, мгновенно опустевшие, омытые дождями, пустынные и чистые. Похорошели парки. Дожди смыли мусор, и деревья стояли строгие и тихие, как будто прислушиваясь, что там, под корнями.

Местное население держалось спокойнее отъезжающих. Татары переселились во дворы. Женщины хлопотали у самодельных очагов, мужчины налаживали бивуаки. Ни криков, ни истерики, ни суеты. Взялась за дело и я. В лавровой рощице нашла сухую прогалину, принесла фанерные щиты и

В МУЗЕЕ АНТРОПОЛОГИИ

Работа для музея Антропологии в Москве. 1931.

снятую с веранды парусину, сколотила большие рамы. К вечеру походный домик, укрывающий от дождя и ветра, принял усталых ребятишек.

Зашел взглянуть на мои хлопоты и Отто Юльевич. Среди общей суматохи он выглядел самым невозмутимым. Казалось, его как геолога настолько захватили наблюдения за редким и впечатляющим явлением природы, что ученый даже рад возможности наблюдать его близко.

Парк при санатории превратился в палаточный городок. Настоящих палаток нехватало. Ставили навесы из портьер, занавесок, простыней, но первая же гроза разметала эти игрушечные постройки, а мои рамы с натянутой парусиной продержались почти месяц. Ночью, просыпаясь от подрагиваний почвы, я слышала шелест кипарисов над нами, видела сквозь щель, как бежит луна за облаками. Отчеты по библиотеке писала на листе фанеры у нашего шалаша, не решаясь отходить от детей далеко. И урывками читала биографию Жорж Санд, восхищаясь женщиной, которая сумела стать творческой личностью вопреки обстоятельствам.

Антропологическому музею в Москве потребовалась коллекция скульптур, изображающих морфологические особенности различных наций. Исполнение требовало большой тщательности и точности. Таблицы расчетов, сделанных антропологом А. И. Ярхо, учитывали множество признаков, от которых ни в коем случае нельзя было отступать. Только для носа учитывались высота переносья, поперечный и продольный профили костной спинки, положение кончика и основания, форма и наклон ноздрей, высота крыльев и выраженность крыльевых борозд, общее выступление над поверхностью лица. Причем, каждый из основных признаков подразделялся на четыре — шесть дополнительных. Характеристика особенностей глаза имела еще больше—двадцать шесть основных черт, которые тоже разбивались на более мелкие. Такая работа была выполнена впервые, и о ней сообщалось в научном журнале[1].

Под руководством молодого ученого Г. Ф. Дебеца я лепила с натуры части лица негров, китайцев, армян, монголов, киргизов, казахов, представителей различных национальностей Севера, и многих других. До сих пор вылепленными мною образцами пользуются студенты Московского университета. Казалось, все население земного шара, несхожее, разноязычное, яркое, неповторимое, проходило передо мной. Позировал мне и киноактер, негр Вейланд Родт. Он хорошо говорил по-русски и интересно рассказывал.

---

[1] А. И. Ярхо. Унификация определений мягких частей лица. — «Антропологический журнал», 1932, № 1, стр. 96—106.

ВОЕННО-МОРСКОЙ МУЗЕЙ. С. Ф. ЮРЬЕВ

Подлинно чуткое отношение к истории довелось увидеть в ленинградском Военно-Морском музее, для которого мужу и мне предложили сделать несколько макетов на морские темы. Руководил работой замечательный человек — капитан первого ранга, кандидат военно-морских наук С. Ф. Юрьев (1895—1958 гг.). Сергей Федорович начал плавать с 1911 года, принимал участие в штурме Зимнего дворца, после революции преподавал в Военно-Морской академии. Многие знают его как непревзойденного судомоделиста.

Первые заказы музея были сравнительно простыми: макеты кубрика, кочегарки, красного уголка и палубы линкора. Видя, что дело пошло, Юрьев предложил мне испытать силы в судомоделизме. Модели выполнялись из дерева — материала, с которым я никогда не работала. В мастерской, созданной Сергеем Федоровичем в подвале музея, опытные столяры-краснодеревщики готовили плашки из клена, березы и самшита. Модельщик Хижинский, трое его помощников и я самым точным образом собирали модели, пользуясь фотографиями и чертежами из различных зарубежных атласов. Делали мы модели кораблей всех флотов мира. Нередко приходилось брать в руки лупу — так мелки были отдельные детали. Например, корабельные шлюпки в предложенном масштабе получались длиной в полсантиметра.

Сергей Федорович с бесконечной любовью разъяснял красоту и муд-

рость строения каждого корабля, вспоминал походы и вдохновлял нас своими рассказами. Он был чрезвычайно требователен и добивался исправления малейших неточностей, готов был поднять десятки документов, чтобы выяснить какую-нибудь деталь. Подводные лодки, крейсеры, линкоры, эскадронные миноносцы выполнялись в одну тысячную натуральной величины. Все металлические части оснастки делали ювелиры, а мы крепили мачты и капитанские мостики по местам. Наша продукция шла в военные учреждения, морские училища, музеи. Часто работа была срочной, и мы оставались за нашими столами и ночью. Все так уважали Юрьева за героическую молодость, знания и талантливые руки, что подводить его никто не решался.

Нашего учителя и наставника осеняли неожиданные и прекрасные идеи. Как-то он предложил привести в порядок ботик Петра Первого, брошенный на берегу в одной из дальних гаваней Ленинграда, оснастить его парусами и потом поплавать на нем по Балтийскому морю. Мы немедленно загорелись этой мыслью. В ближайшее же воскресенье вооружились инструментами и отправились к «дедушке русского флота». Небольшое суденышко с почерневшей деревянной обшивкой почти скрылось под песком и камнями на плоской отмели. Мечта так нас вдохновила, что мы за один день очистили славную посудину от песка и мусора, соскребли наросты на обшивке, надраили на носу бронзовое морское божество. Уцелели и другие украшения, сделанные в виде резвящихся дельфинов. Увы! Когда Юрьев тщательно осмотрел корпус, выяснилось, что все шпангоуты и киль безнадежно прогнили. Плавать на ботике немыслимо... Огорчение несказанное. Позднее ботик, по предложению Сергея Федоровича, перенесли в Петропавловскую крепость.

После моделей музей заказал мне две панорамы: «Восстание на Броненосце «Потемкин» на фоне одесской набережной» и «Вывод судов из Гельсингфорса во главе с ледоколом «Ермак». Эта работа меня увлекла, сдружила с флотом, свела со многими чудесными людьми, но никогда бы не решилась я за нее взяться, если бы не советы, книги, консультации и поддержка Юрьева. В течение многих лет собирал Сергей Федорович материалы о форме моряков с момента возникновения морского флота в России, готовил к печати историю медицинской службы на русском флоте, разыскивал подлинные документы, рисунки и описания знамен и флагов на кораблях разных стран, чуть ли не с зарождения мореплавания.

...Около города Дмитрова, на канале Волга-Москва, у шлюза стоят

на высоких каменных постаментах бронзовые каравеллы, выполненные Сергеем Федоровичем. Они встретились мне и на почтовых марках. Во многих музеях нашей страны красуются модели кораблей, выполненные им из пластмассы, слоновой кости, черепаховых панцирей и дерева. Дело Юрьева продолжили его талантливые ученики[1]. Этот русский человек с широкой душой, умом, силой, мужеством и любовью к родному искусству далеко среди людей распространил славу нашего флота.

[1] О последователях С. Ф. Юрьева можно узнать из очерка Н. Бадеева «Младшие братья «Авроры». — «Панорама — 9». М., «Молодая Гвардия», 1977.

КРОНШТАДТ

В 1928 году от Центрального музея Красной Армии поступил заказ на панораму «Ледовое побоище», которая рассказала бы о победе красных курсантов над белогвардейцами под Кронштадтом зимой 1917—1918 годов. Мне предстояло познакомиться с самой крепостью. Получив пропуск в ленинградском военно-морском штабе, собралась в путь. Дело было зимой. От Ораниенбаума до славной морской твердыни добралась по невскому льду на розвальнях. Лошадь бежала бодро, а веселый возница подбадривал ее криками: «Ракета, вперед!» Даже лохматая лошадка носила в этих местах боевое имя.

Сквозь морозный туман проступали бастионы. Темнела громада Кронштадтского собора. Крепость, основанная Петром Первым в 1705 году на плоском, почти вровень с водой, острове Котлине, превратилась со временем в «фортецию зело великую». Правда, от первоначальных деревянных укреплений Кроншлота почти ничего не осталось, но во всей планировке сохранилось присутствие инженерно-архитектурного искусства восемнадцатого века. Восхищают задумчивой строгостью тихие каналы, соразмерность и внушительную серьезность сохранили склады и арсеналы. Скучновато-широкие улицы, вымощенные булыжником, безнадежно просят озеленения. А в чистых и светло раскрашенных домах с занавесочками и цветами на окнах, с курами и утками во дворах сохранился дореволюционный покой. Неожи-

данно заснувшие улицы и пустынные палисадники затопил мерный топот и звуки бодрой песни. Прошли молодые, с розовыми лицами краснофлотцы и разнеслась над городком песня: «Нас побить, побить хотели...» Силой, крепким молодым здоровьем пахнуло от них, и прошлое как будто разбежалось по задворкам и закуткам.

В штабе мне еще раз объяснили, где происходило ночное ледовое сражение и для ясности отметили нужные места на карте. Я немедленно приступила к работе. Вышла за внешние стены крепости, сделала зарисовки бастионов, общих силуэтов города, беспрепятственно продвигаясь по льду залива. Вдруг донесся грозный оклик: «Стой, стрелять буду!» Очнулась: передо мной — моряк с винтовкой наперевес. Он, оказывается, давно наблюдал за странной гражданской, предупреждал, чтобы она не заходила в запретную зону, но, увлекшись, я ничего не слышала. Предъявила необходимые документы и разрешения, поспешно удалилась и впредь стала более осмотрительной.

Еще раз осмотрела старинные здания времен Петра и Елизаветы, полюбовалась лепными резвящимися дельфинами на карнизах, мощными орлами, простершими крылья над цейхгаузами, монументами Петру и мореплавателю Беллингсгаузену. Когда все предварительные работы были закончены и в штабе проверили мои зарисовки, я, прощаясь, спросила, как же все-таки художнице разрешили разгуливать по крепости. Офицер улыбнулся: «Не беспокойтесь, за вами следили».

Эскизы макета одобрили, и вскоре снова предложили поехать в Кронштадт, чтобы помочь морякам в оформительских работах ко Дню армии и флота. На этот раз штаб направил меня в артиллерийскую школу. Начальник школы встретил очень радушно и высказал мысль, что лучше всего сделать из папье-маше маски-карикатуры на буржуев, кулаков, вредителей, прогульщиков. Выделили нам в помощь начинающих художников, и в комнате, где чистят винтовки, закипела работа.

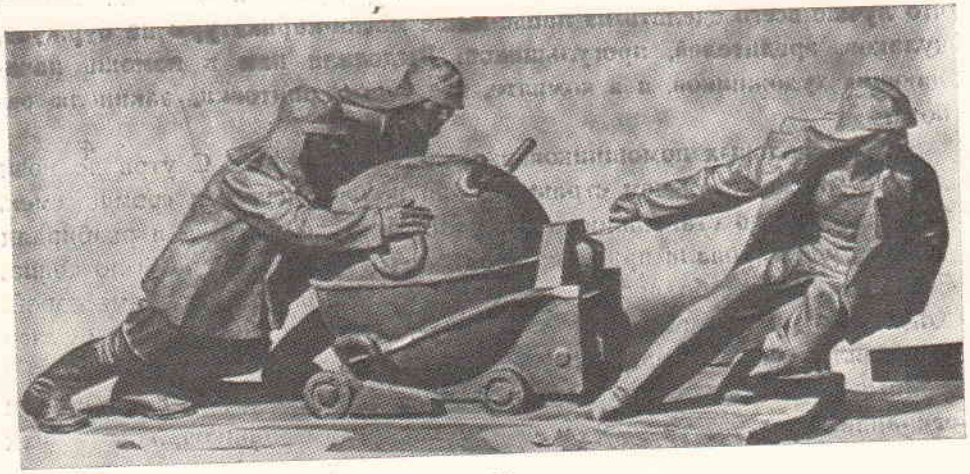
Добровольных помощников оказалось множество. С утра до ночи лепили мы маски, и чем страшней они получались, тем громче смех. Особенно людно становилось вечерами. Матросы чистили и разбирали оружие, репетировали праздничный концерт. Рассказам не было конца. В этой атмосфере бодрости, дружбы и веселья работа шла сама собой. Когда глиняные головки высохли, мы оклеили их тонким слоем бумаги и принялись за раскраску. У кулаков побагровели огромные носы и жадные рты. Политические враги устрашающе засверкали глазами и оскалили зубы. Я прислушивалась к суждениям моряков, кого и как

надо изображать. Все в один голос говорили: внутренних и внешних врагов надо высмеивать зло и беспощадно. Между прочим, бесхитростные мнения новых друзей помогли мне увидеть некоторые просчеты антирелигиозной пропаганды тех лет. Мы и верующих порой рисовали в плакатах как врагов, что не искореняло религиозность, но вызывало озлобление. Безбожнику надо быть умным, образованным человеком, а если таких мало,— просто добрым и внимательным в широком смысле слова. Пропаганда научных достижений, наглядное изображение нелепостей библии, диспуты с верующими — более успешное средство, чем сатира, оскорбляющая глубокие и часто бессознательные чувства. Эти соображения я представила в ленинградский обком партии.

Отзыв о моей работе пришел хороший, меня премировали путевкой в дом отдыха. За культурно-шефскую работу взялась с удовольствием, водила моряков в Эрмитаж, рассказывала об искусстве, помогала начинающим художникам, а от путевки отказалась, ибо все эти занятия были мне не в тягость, а в радость, и никакой усталости я не чувствовала.

Дружба с моряками подсказала ряд замыслов. Хотелось изобразить работу минеров, и поэтому я добилась разрешения побывать на минном заградителе «25 Октября». На корабль прибыла с целой кипой бумаг с печатями, штампами и подписями, удостоверяющими, что мне дозволено находиться на судне. Но, наверное, недаром говорят,

Минеры. 1929—1930.



что женщина на корабле — плохая примета. Собаки, кошки, медвежата, попугаи, обезьянки — все они на военных кораблях встречаются, а вот женщине — не положено. Заработали машины, загромыхала якорная цепь, зашумели буксирные катера, которые должны были вывести минзаг в залив, но что-то застопорилось. Оказалось, наш якорь зацепился за якорь «Авроры». Вот и не верь после этого приметам!

Понимая, что здесь каждый занят своим делом, и всем не до меня, старалась быть неслышной и незаметной. В непромокаемом пальто комиссара тихонько бродила по палубе, то и дело налетала на разные металлические части, очень твердые, сажала синяки и шишки, но помалкивала. Кто-то в шутку пустил слух, что я — новый старпом, и некоторые моряки из новичков так ко мне и обращались, повергая в смущение. Ветер и дождь усиливались. Сильно качало. К стыду своему, я, внучка морского офицера, висела на поручнях, как мокрая швабра, и заграничные лепешки против тошноты, любезно предложенные судовым врачом, не имели ни малейшего воздействия. В отчаянии от собственного состояния кое-как приступила к делу, но зарисовала я меньше, чем увидела. Впрочем, со временем все пришло в норму. Полмесяца провела я на корабле, стараясь каждую свободную минуту быть среди матросов.

И все-таки с женщиной на военном корабле не может что-нибудь да не случиться. Как-то попросила разрешения принять ванну. Мы курсировали у острова Гогланд, вблизи германских берегов. Только стала мыть голову — сирена боевой тревоги! Наскоро одевшись, с мокрой головой выскакиваю на палубу. Все огни уже погашены. Бесшумно снуют матросы, разбегаясь по своим местам, к орудиям, к носу, к шлюпкам. Задраили иллюминаторы. Все делается споро, молча, в строго размеренном ритме. Прижавшись к переборкам, вглядываюсь в туманную темноту, ожидая увидеть чужой корабль или подлодку, а, может быть, услышать взрывы и выстрелы. Все ново, и волнующе-таинственно. Столько нахлынуло неизведанных чувств, но — никакого страха. Мы шли темные, невидимые, затихшие, в ожидании неизвестного. Раздался отбой. Все так же без суеты вернулись к обычным занятиям. И я опустилась в свою каюту, домыла голову и спокойно заснула под мерный рокот двигателей.

Днем расставлялись минные заграждения. Большие круглые мины подкатывались на скользящих полозьях к борту. Их опускали в море осторожно, без лишних движений, чтобы не задеть детонаторы. Мина будет держаться под водой на определенной глубине, заранее рассчи-

танной, дна она не достигнет. Моряки, выполнявшие эту работу, были одеты в штормовые робы: прорезиненный бушлат, такие же штаны и высоченные резиновые сапоги. В этой одежде они казались готовой скульптурой с мужественными контурами, как будто уже отлитые в бронзе. За время пребывания на корабле я поняла, как работают морские минеры, отобрала трех натурщиков. Договорились, что они будут приезжать в Ленинград позировать, а необходимые детали одежды удалось получить в военно-морских цейхгаузах, чтобы моряки могли добираться из Кронштадта налегке.

Для панорамы «Выход судов из Гельсингфорса» я прибыла на ледокол «Ермак». Удивительно красива панорама Ленинграда с борта корабля. Дымящие заводы, золотой шлем Исаакия, поблескивание Адмиралтейской иглы. Впрочем, долго любоваться некогда. Обмеряю шагами длину и ширину ледоколов, зарисовываю мостик, борт, шлюпки, трубы, все объемные детали, которые не передаст никакая фотография, хотя снимки ледокола мне предоставили. Макет был выполнен и принят Военно-Морским музеем.

Мне предложили сделать макет в 1/10 натуральной величины различных частей корабля — кочегарку, кубрик, ют. Для этого побывала на линкоре «Парижская Коммуна». Корабль поразил грандиозностью и мудрой сложностью. С разрешения командира осмотрела весь корабль, спустилась и в трюм, где рядами лежали громадные продолговатые снаряды, отливающие черным блеском. В жаркой кочегарке пробыла несколько часов, чтобы зарисовать все детали и движения кочегаров за шуровкой. А кубрик и плутонг (бортовое орудие) изучала на однотипном линкоре «Марат». Подробно, долго и тщательно зарисовывала матроса в рабочей ро́бе у орудия. Макет верхней палубы я сделала вместе с моряками, пляшущими под аккомпанемент балалайки.

Все взятые в музей макеты и панорамы имели учебно-прикладное значение, а меня потянуло к серьезным творческим работам, связанным с флотом. Сколько светлых чувств вызывали мои «подшефники»! «Рвусь в их мир,— записано в дневнике от 31 декабря 1928 года. — Мне хорошо там, среди этих людей в одинаковых формах, но с разными душами. Еще год-два назад каждый из них был малограмотным, мало знающим, неорганизованным парнем. Теперь же каждый — частица большого, разумного целого. Каждый наметил себе дальнейшие этапы жизни, представляет, какое место после службы он займет в общем строительстве. Большинство из них хотят учиться, работать на Памире, прокла-

дывать Северный морской путь, стремятся на Урал и на Ангарстрой. Да они всюду пригодятся со своей неистощимой двадцатидвухлетней жизнерадостностью.

Сияющий фотограф Пронин вылезает из темного трюма с пачкой новых «трофеев». Там у него фотолаборатория. Снимки для «фотоглаза» и для желающих. Минер Николаев, сероглазый северянин, всегда веселый, готовый петь и танцевать, невзирая на качку, холод, ветер и тесноту. Все деревенские работы для него — радость. Умеет косить, пахать, пилить, а также шить, прясть и вязать. Своими шутками и частушками может развеселить самую мрачную компанию. Он же — модельщик по литью и пожарный. С такими руками и характером парень нигде не пропадет! Завклубом — живописец, артист, затейник, танцор, музыкант, стенгазетчик, юморист и драматург — всего понемножку, а на корабле — электрик, который собирается стать инженером.

Шубин — здоровый парень из глухой деревушки. Благодаря своему учителю, читал русских классиков, узнал о Леонардо да Винчи и Рафаэле. Попав по призыву в Ленинград, в первую же увольнительную отправился в Эрмитаж и, не глядя на подписи, узнавал любимые картины. Героев русской литературы называл по имени-отчеству, сжился с ними, как с родными. Как-то на его глазах везли сдавать старые

Матрос—герой гражданской войны—Аввик. 1929—1930.

книги в утиль. Разглядел в куче «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо, выпросил и, как драгоценность, принес в казарму.

Матрос Н. И. Аввик в моих глазах — одно из тех чудес, когда люди отдавали свою жизнь, шли на любые мучения во имя великой идеи. Не хочу видеть его мелких недостатков. Вот мама, услышав неправильную речь Аввика, начинает напирать на это, подчеркивать мой плохой вкус и т. д. Разве в этом дело? Аввик пережил «Кровавое воскресенье», штурмовал Зимний, был подпольщиком. Когда он сопровождает свои рассказы жестами, на него можно смотреть, как на скульптурное произведение... Только бы мои чувства превратились со временем в сущность, в нечто осязаемое. Это должно быть».

В результате дружбы с моряками были сделаны скульптурная композиция «Яблочко», небольшие скульптуры «Моряк гражданской войны на коне», «Фигура моряка с гитарой», «Моряк с винтовкой», «Группа минеров», «Группа заграждения». Почти все приобрел Военно-Морской музей в Ленинграде. Работы, к сожалению, из гипса. Перевести их в более долговечный материал, как ни старалась, не было возможности. Из всех тогдашних трудностей с помещением (работать приходилось в квартире Лавреневых), с натурщиками, морскими формами запомнился один почти комический эпизод. На линкоре «Марат», чтобы найти подходящее лицо, я прошла вдоль строя, вглядываясь в каждого. Нашла подходящего матроса и оставила ему свой адрес. Он явился не на шутку встревоженный: ведь общий смотр экипажа производят, когда кто-то провинился «на берегу». Но все разъяснилось. Мой «Авроровец» прописался в московском Музее Революции.

Среди этой военно-морской тематики посчастливилось выполнить одну сугубо мирную работу — вылепить с натуры бюст О. Л. Книппер-Чеховой. В 1929 году она согласилась дать мне несколько сеансов в ленинградской гостинице «Европейская», в прекрасном номере, полном света и цветов. Когда я отправилась туда с ведром глины, администрация забеспокоилась, но сама Ольга Леонардовна была внимательна, любезна, много интересного рассказывала об обстоятельствах возвращения А. М. Горького в СССР после долгого пребывания на Капри. Бюст шел легко, и мы обе остались довольны. За эту работу меня приняли в Ленинградскую организацию художников.

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Летом 1932 года меня пригласили для скульптурных работ в Ясную Поляну — музей-усадьбу Л. Н. Толстого. После сурового Кронштадта, где вся жизнь подчинена строгому распорядку, разнообразных встреч с моряками в Ленинграде, участия в военных маневрах под Севастополем на эскадренном миноносце «Дзержинский» я погрузилась в тишину русских полей. Любовалась цветущими лугами, вдыхала запахи скошенных трав, бродила среди нежных ореховых зарослей и аллей, посаженных Толстым, и все военное, напряженное постепенно отступало.

Директором музея-усадьбы был мой дядя Мстислав Александрович Цявловский. Здесь же жил старший сын писателя Сергей Львович Толстой. Нам представили скромную комнатку во флигеле Волконских. Другие работы по скульптуре звали в Москву, в Ленинград, на Кавказ, но, завершив их, я неизменно возвращалась в милую деревню и прожила здесь с 1932 по 1936 год. Эти места пришлись мне настолько по сердцу, что я взяла с собой сначала семилетнюю дочку, а потом и остальных детей. Дети начали учиться в прекрасной яснополянской школе.

Все без исключения сотрудники относились к этим местам, как к святыне. Любовно оберегались пасека и сады. В доме Толстого мебель, картины, даже окраска стен сохранялись такими, какими они были при жизни писателя. Каждый, кто переходил мостик

с двумя белыми башенками, попадал в особый, ласковый и мудрый мир. Летом в усадьбе жил С. Л. Толстой с женой и приемным сыном Павликом, мальчиком лет восьми. Семидесятилетний Сергей Львович был очень подвижен, любил прогулки в лес, по грибы. Сопровождать его было несказанным удовольствием. Он показывал два небольших карстовых озера, которые образовались при жизни Льва Николаевича. На середине одного из них корни деревьев сплелись так густо, так поросли травами, что образовался живой плавучий остров. Множество дорогих деталей из жизни автора «Войны и мира», которые не сыщешь в воспоминаниях, узнала я от Сергея Львовича.

Сергей Львович был прекрасным музыкантом, изучал, в частности, музыку арабов и написал несколько произведений на мелодии этого народа. Как-то в воскресенье, когда схлынули экскурсанты, С. Л. Толстой пригласил нас в столовую, где стоял рояль, на котором играл сам Лев Николаевич, и сыграл «Вальс-фантазию» Глинки. Звуки через раскрытые окна уплывали в сад. Мы слушали, зачарованные, сознавая, что никогда больше такого концерта не услышим.

Музей заказал мне бюст Софьи Андреевны Толстой, жены писателя. Надо было изобразить ее в пору ранней молодости, семнадцатилетней.

Чтобы понять внутренний мир этой необыкновенной женщины, я погрузилась в чтение ее дневников и писем. Постепенно открывалась передо мной сложнейшая и мучительная семейная драма Толстых, стали понятнее причины ухода Льва Николаевича, и все вспоминался давнишний мой визит на станцию Астапово перед началом первой в жизни самостоятельной работы. Никогда до того не читала я так много, как в Ясной Поляне. Не расставалась с биографиями великого писателя, написанными П. И. Бирюковым и Н. Н. Гусевым. Заново перечитала «Войну и мир» и «Анну Каренину», впервые обратилась к морально-религиозным сочинениям Толстого.

В молодости убежденным толстовцем был А. А. Мануилов, я и сама была восприимчива ко многим сторонам морального учения Толстого. Его проповедь простоты всего житейского уклада, осуждение комфорта, прославление физического труда как нравственной основы личности оставили во мне глубокий след на всю жизнь. Я сохранила верность этим заветам и по сей день. В то же время определенные стороны толстовства вызывали активное неприятие. «Моя философия,— отмечено в моем дневнике от 19 сентября 1933 года,— прямо противоположная. Никакого насильственного умаления, никаких ложных сделок с со-

вестью. Зачем мне ломать себя и целовать смиренно гноящиеся раны? Уничтожить эти раны, не допустить их существования — вот что нужно».

Мне доверили водить экскурсантов в Толстовском доме-музее. Эта работа и нравилась, и тревожила. Как вместить богатейшую жизнь титана русской литературы, высочайшее горение его духа, гениальные прозрения и поучительные заблуждения в короткое время, отведенное для рассказа? Посетителей в Ясной Поляне всегда было очень много. Хотя одно время едва не возникла дурная привычка приезжать в музей, как на пикник. Иные оборотистые руководители умудрялись привезти с собой на грузовике одну-две бочки пива, а после экскурсии располагались всем коллективом в заповедных рощах. Сотрудники музея решительно воспротивились такому совмещению «приятного с полезным».

Было решено открыть в этих местах, кроме литературно-мемориального, и краеведческий музей. Для этого музея надо было сделать целый ряд скульптурных работ. Первыми моими натурщиками стали старик со старухой, которым Л. Н. Толстой когда-то помог сложить печку. Я лепила их для большого макета бывшей курной избы. Как-то странно было думать, что поношенные платья стариков сохранятся на фигурах из папье-маше, когда их самих не станет. Со значительно большим интересом сделала я для краеведческого музея бюсты двух шахтеров, двух доменщиков, ударницы-доярки. Как всегда, работала не столько по воображению, сколько с натуры. Спускалась в шахты Подмосковного угольного бассейна в Щекине, побывала у доменных печей на Косогорском заводе имени Дзержинского.

Из людей рабочего класса сильное впечатление произвел на меня шахтер Кораблин. Он рассказывал, как во время первой мировой войны на фронте был схвачен немцами, брошен за колючую проволоку, шесть раз пытался бежать, но его ловили, жестоко избивали и снова заточали в лагерь. На седьмой раз побег удался, и потом Кораблин воевал на фронтах гражданской войны. Чтобы развлечь его во время позирования, я попросила родственницу Лену Бобровскую читать вслух «Капитанскую дочку» Пушкина, которую шахтер не читал. С каким вниманием и волнением слушал он каждое слово! Лицо его в такие минуты было по-настоящему вдохновенно. Когда события в романе приняли трагический оборот, этот много повидавший, сорокапятилетний мужчина плакал.

Сделанный мною бюст Кораблина экспонировался на выставке

портрета в Москве в 1936—1937 годах, «Известия» поместили его большую фотографию.

Бюст С. А. Толстой и другие мои работы погибли во время фашистской оккупации. Немецкие солдаты их выбросили из окна второго этажа, и они превратились в груды обломков.

Когда я работала в Ясной Поляне, наркомат связи объявил конкурс на оформление санаториев и парков Кисловодска. Два моих проекта одобрили, и для исполнения работ я несколько раз выезжала в Кисловодск. Хотелось сделать декоративные фонтаны, которые включали бы в композицию прекрасные фигуры и лица женщин Кавказа — карачаевок, грузинок. Один из фонтанов — «Девушка с чашей» — сохранился до наших дней, а другая моя работа — «Девушка с двумя чашами» была разрушена во время войны.

О. Мануилова за работой над бюстом шахтера Кораблина. Ясная Поляна. 1936—1937.

Приезды в Кисловодск я старалась использовать для того, чтобы получше изучить Кавказ. Побывала в Махачкале, Нальчике, Ново-Георгиевке, в долине Нарзана. И поднялись из глубины души самые ранние воспоминания. Мне было лет восемь, когда впервые в Железноводске, как в светлой сказке, открылся перед нами Бештау. Всей семьей решили подняться на гору. Папа взял нас, детей, и наших молодых друзей, он называл латинские названия неведомых для нас цветов и деревьев. Шли лесом, прыгали через ручьи, пробирались через нагромождения камней. Впервые в жизни увидела я тогда папоротник. Выше пошли альпийские луга, а над ними — сухонькие, колючие травки, фантастические цветы. Отец рассказывал о Лермонтове, а внизу все шире расстилалась панорама вершин, долин, лесов и в сердце рождалось бесконечно-огромное доверие к жизни и восхищение ею.

И вот, тридцать пять лет спустя, едем в те же места. После Ясной Поляны моим детям кисловодский курорт не понравился. Марине—семнадцать, почти взрослая, Александру — четырнадцать, а Ольге — девять. Никакие мои уговоры не действуют. В Ясной, твердят они в один голос, лес, грибы, речка, яблоки. Но мне надо работать здесь. После всех споров мы расстались на станции Минеральная. Обнимаю их, целую, плачу. Долго бегу за вагоном, а в окне — милые, смеющиеся мордашки. Самые дорогие,

Фонтан «Девушка с чашей». Кисловодск. 1937.

близкие, несговорчивые, упрямые уехали, а я возвращаюсь в Железноводск, ищу ту клумбу, на которой девчонкой рвала цветы тайком от сторожа. Но все стало другим.

И снова, как много лет назад, вопреки древним, утверждавшим, что нельзя дважды войти в одну и ту же воду, захотелось пройти тем же маршрутом, что когда-то пройден девчонкой. Мне кажется, я узнаю ее, нежную заячью капусту под надежной защитой камней, сине-лиловые гиацинты и незабудки, белесо-бархатный эдельвейс. Тороплюсь на вершину Бештау. Кажется, с высоты я увижу поезд, уносящий на север моих детей. Ветер развевает волосы, рвет платье. Поезда, конечно, не видно, но я шлю туда, в темную даль, все свои мысли, свою любовь, все лучшее своей души.

АЗИЯ МАНИТ

И вот уже сорок лет, почти половину жизни, живу я в Киргизии. Волжанка по рождению, обрела здесь родину, друзей, учеников, дом. Оглядываюсь назад, и кажется, что многое в моей судьбе звало в Азию, было неким предзнаменованием тому, что здесь я найду себя и то душевное состояние, без которого невозможно творчество.

...Ташкент. Летом 1911 года была организована экспедиция под руководством профессора Ерюгина по Ферганской долине. Вооружившись банками с формалином, пинцетами, сачками, мы расходились далеко по степи, забирались в горы. Чем труднее путь, чем сильнее мучила жажда, чем страшнее переправы через горные потоки, тем привлекательнее казался поход. Скорпионы и фаланги не пугали, а восхищали своей яркой «представительностью». За пятнадцать дней мы побывали в Голодной степи, в Коканде, Андижане, Маргелане. Эта экспедиция, а также восхождение на Большой Чимган едва не заставили меня, как я уже упоминала, выбрать профессию ботаника и зоолога.

В Мюнхене я так часто рассказывала товарищам о красоте возделанной и орошенной земли, о гостеприимстве узбеков и таджиков, шумных ярмарках с канатоходцами, громом карнаев и барабанов, что меня прозвали «фрейлен Туркестан». Когда возвращалась из Берлина в Москву, в поезде со мной оказались мусульмане, совершавшие паломничество в Мекку, и

чем-то родным повеяло от их языка, халатов, загорелых лиц, белых бород, добрых и радушных улыбок.

Среди вод Балтики, на роскошной Неве, в московской сутолоке Азия не забывалась, не уходила из памяти и сердца. 20 декабря 1929 года в Москве я попала на вечер узбекских самодеятельных артистов. «Все просто, незамысловато, без особой подготовки, то, что можно найти в каждом кишлаке, в любой семье,— записано в дневнике. Может быть, тут было более яркое, более талантливое, знающее себе цену. Поразили 15—19-тилетние девочки, золотисто-солнечные, с глазами-угольями, с четкими ритмичными движениями. В цвете кожи и форме лиц, в выточенных фигурках — неизъяснимая привлекательность, естественность и правдивость. Где и когда постигли они тайны женственности? Они расцвели под лучами щедрого солнца, рядом с гроздями винограда. Сбросив душные черные сетки, отвергнув систему жестоких мусульманских запретов, они приехали к нам, еще девочки и уже подлинно прекрасные женщины. Как хочется их оберечь, поддержать, ибо они прекрасны и должны передать эту красоту дальше, в будущее. Милые девочки и девушки, выше знамя своей независимости! Счастлива, что мой первый плакат посвящен вашему освобождению».

А через десять лет, в 1939 году состоялась первая декада киргизского искусства в Москве. 27 мая я слушала оперу «Айчурек». Своеобразие мелодий, красота и необычность костюмов, прелесть танцев совсем меня заворожили. Как было знать, что пройдет немного времени, и я познакомлюсь с создателями этой оперы, буду дружить со многими артистами и сама по мере сил помогать молодому театру. Выступления певцов и музыкантов из Киргизии пользовались в Москве таким успехом, что билеты на спектакли я с трудом доставала через О. Ю. Шмидта.

В 1937 году меня пригласили принять участие в оформлении Узбекского павильона на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. В конце года я поехала в Ташкент, чтобы на месте собрать материал и сделать эскизы. Художник О. К. Татевосян любезно предложил работать в его мастерской. На ташкентском базаре нашла я первые типажи.

Старый друг-художник А. В. Николаев (Усто Мумин), с которым мы работали в Ташкенте вместе еще в двадцатые годы, предложил познакомиться с танцором Алиевым, когда-то ставившим танцы при дво-

ре бухарского эмира. Вечером в комнате, убранной коврами, нас уже ждал чай на низком круглом столике. Пришли и друзья хозяев дома. После чаепития Алиев стал танцевать под звуки дутара, и не верилось, что ему — за семьдесят. В порыве танца Алиев неожиданно извлек свою искусственную челюсть. Прищелкивая пальцами, как кастаньетами, он запел: «Я был стар, но Советская власть дала мне новые зубы, и я помолодел!» Под наше прихлопыванье он танцевал задорно, легко и весело, а я, забыв о зарисовках, впитывала его движения, наблюдала за позой и выражением лица дутариста.

А с игрой на бубне познакомилась в одной чайхане. Заняла место в уголке, чтобы не бросаться в глаза — женщины эту чайхану не посещали. Под ритмичные удары бубна певец сразу взял очень высокую ноту и пел напряженно, почти страдальчески.

— Не надорвет ли он голос? — заволновалась я.

— Так можно петь только в исключительных случаях! — последовал ответ. — После такого пения горло должно отдыхать несколько дней.

Меня такой ответ изрядно смутил — ведь пение и игра предназначались именно московской художнице.

Все эскизы для образов дутариста, бубниста, сборщицы хлопка и поливальщика были приняты главным архитектором павильона Полупановым и главным художником Николаевым. Для лепки бубниста в натуральную величину я нашла красивого юношу

Голова старика. Этюд. 1938.

Пазилжана Халматова. Правление колхоза согласилось отпускать его в Ташкент для позирования. Для дутариста позировал известный музыкант Шарахим Шаумаров. Показалось мне подходящим и лицо одного старика, подметальщика улиц. В перерывах мы пили чай с булками и конфетами, объяснялись, как могли, и в конце концов старик заявил, что эта работа ему нравится. Он готов ехать со мной в Москву, если нужно, и там будет с удовольствием подметать улицу у моего дома!

Первые экземпляры эскизов я оставила Ташкентскому музею и, упаковав все ящики с заготовками, поехала в Москву. Работа на выставке была очень срочной. Делать каркас мне помогал форматор Перфильев, а накладывать глину — скульптор Алтухов. Мы даже на ночь не уходили домой, а устраивались в большом сарае, подложив под голову мешки из-под гипса, цемент до крови разъедал руки.

Как-то подошла к моей работе группа рабочих-узбеков. И вдруг один из них взмахнул руками, прищелкнул пальцами и пустился в пляс. А товарищи ему подпевали. Это очень подбодрило меня, убедило, что работа получается правдивой.

Со всей страны для оформления Узбекского павильона пригласили лучших мастеров. Рядом трудились резчики по дереву и ганчу, приехавшие из Самарканда, Хивы, Бухары и Ташкента. Работа кипела по всей громадной территории. А. В. Николаев выполнял по ганчу огромный барельеф площадью более ста квадратных метров. Для ускорения дела барельефы вырезались сразу на гипсовых плитах, отлитых на гладком стекле. Такой способ применялся древними египтянами. Вместе с нами резали гипс мастера Якунин и Литвинов. Николаев выполнял самые ответственные фрагменты. У него был большой альбом узбекских орнаментов, которые он собирал многие годы, множество фотографий узбекской архитектуры. Все очарование Узбекистана, его солнце, его краски связались у меня с этим прекрасным художником. После его внезапного отъезда всю работу по окончательному оформлению многометрового барельефа поручили мне.

К лету 1939 года, точно в срок, я закончила фигуры поливальщика и сборщицы хлопка, высотой по 2 метра 20 сантиметров, а также музыкантов — старика, играющего на дутаре, и молодого узбека с бубном. Каждая из этих фигур достигала 3,5 метра. Выполнили их в цементе, покрыли бронзовой патиной и установили у входа в павильон. Фотографии и репродукции этих скульптур вошли в книги по искусству, воспроизводились в журналах, были выпущены открытками и отпечатаны на марках. Полностью довела я до конца и два громадных барельефа на

темы хлопководства и животноводства Узбекистана, каждый—около 160 метров длины. Огромный труд! Тем горше некоторые подробности, связанные с его осуществлением, и особенно печальна дальнейшая судьба моих монументальных скульптур. Замысел создать фигуру поливальщика возник в Узбекистане, когда я увидела на поле молодого босого парня, расчищавшего арык. Закончив работу, он пучком травы тщательно, до блеска протер кетмень, легко вскинул его на плечо и отправился дальше. Я залюбовалась его походкой, легкой и бодрой, всей сухощавой и сильной фигурой. Когда эскиз был закончен, на художественном совете ВСХВ меня спросили, почему мой колхозник босой.

— Так работают все поливальщики.

— А что скажут зрители? Наша промышленность производит всякие резиновые сапоги, в том числе и высокие. Это необходимо показать!

Долго доказывала свою правоту, но ничего не вышло. Пришлось накладывать на красивые, стройные ноги поливальщика глину, но, конечно, грубые сапоги повредили замыслу и нарушили правду сельского труда.

ПО ЮГУ КИРГИЗИИ

Говорят, случай приходит на помощь тому, кто его ищет. В 1939 году правительство Киргизии пригласило меня принять участие в создании проекта памятника Токтогулу. Случайно узнала, что во Фрунзе глины для скульптуры нет. Срочно добыла килограммов триста и отправила их в столицу республики, а за ними двинулась и сама. Перед поездкой и в дороге старалась прочесть о великом акыне и его родине как можно больше. Из прочитанного тогда особенно потрясла мощь «Манаса». Его строки сами собой воспламеняют воображение. До сих пор помню описание коня киргизского батыра:

Бодр и прыток его Ак-Кула,
Сил избыток у Ак-Кула,
Как верблюд, он неприхотлив,
Он поджарый, не спотыклив.
Статен джала[1] его изгиб,
Породил его ветра порыв.
Похож на архара он,
Полыхает пожаром он...

Разве это не целая программа для скульптора! Придет время, и я стану лепить чоро — дружинников Манаса, а пока поэтическую правду, огонь старого эпоса надо внести в образ певца наших дней. Мне помогли достать несколько изображений акына, скончавшегося в 1933 году, и я надеялась увидеть его учеников, друзей, почитателей, чтобы создать Токтогула таким, каким он остался в памяти тех, кто его знал и любил.

Мне хотелось вылепить Токтогула верхом на коне, с комузом в руках.

[1] Джал (кирг.) — холка.

Вокруг — охотники с беркутом и архаром, женщина с ягненком, шахтер с отбойным молотком, дехканин с кетменем. Трудовая Киргизия прислушивается к мудрому слову, чтит и понимает певца. Пусть архитектура памятника раскроет мысль о возрожденной Киргизии. Памятник виделся из камня, в обрамлении ажурной ограды с национальным орнаментом, с бассейном, чтобы журчание воды напоминало мелодию комуза.

Первые эскизы во Фрунзе получили одобрение. Я торопилась в Кетмень-Тюбинский район, на родину акына, чтобы познакомиться с людьми, среди которых он жил. Темиркулу Уметалиеву, молодому, но уже известному в те годы поэту, поручили быть моим переводчиком, гидом и помощником. Союз писателей Киргизии рекомендовал Темиркулу встретиться с друзьями и учениками Токтогула, записать песни акына. На русский язык стихи Токтогула еще не были переведены, хотя замечательный собиратель киргизской музыки А. Затаевич записал к тому времени несколько мелодий акына, а в печати появились первые статьи о нем. Особенно памятен мне очерк В. Винникова.

Вглядываюсь в попутчиков, едущих поездом в Таш-Кумыр. Запомнилось лицо красивой киргизки в белом элечеке. Ослепительно белый цвет тюрбана подчеркивал бронзовый загар — как шапка белого снега на темной горе этот женский головной убор! Я зарисовала женщину и с этой минуты стала поклонницей неведомой страны. В Таш-Кумыре среди шахтеров приметила людей с хорошими, волевыми лицами, записала их адреса, а на обратном пути сделала несколько эскизных портретов.

В Кетмень-Тюбе выяснилось, что неподалеку живет певец и музыкант Коргоол, друг Токтогула. За ним послали верхового, а я тем временем зашла на маленький базарчик. Пристраиваюсь с альбомом у коновязи, где «охотно позируют» лошади, и сейчас же меня окружила толпа ребятишек. Как удивительно, что привычных, давно знакомых коней, к которым никто не присматривался, можно рисовать! Дети отпихивают друг друга, чтобы не заслонять натуру, трогают карандаши, вертят в руках резинку. Во всех поездках, в любом месте дети составляли мою верную свиту, охотно выполняли мелкие поручения, первыми разносили весть о «сүрөтчү» — художнике. Этим словом киргизы называют и фотографа. Поэтому сначала немного озадачивали вопросы взрослых и детей: «А меня фотографировать будете?»

Приехал Коргоол. Быстро сооружается походная студия. Петь и

позировать одновременно старик не может, и мы с Уметалиевым «терзаем» его по очереди. У певца необычайно подвижное лицо, напоминающее лукавых сатиров из греческой мифологии. Поверхность его комуза отполирована временем и игрой. Когда он поет, прыгают брови, раздуваются ноздри, глаза щурятся хитро и загадочно. Руки невероятно быстро выделывают сложные движения. Зрители переживают содержание песни, смеются, одобряют возгласами. Умоляю Темиркула перевести, о чем поет старик, но Уметалиев кратко говорит, что песня — любовная и переводу не подлежит. Тем пристальнее всматриваюсь в лицо и фигуру акына и убеждаюсь в том, о чем слышала и раньше,— киргизские «ырчи» прекрасные актеры. Когда певец на кого-то сердится, он, кажется, готов растерзать своего врага, ожесточенно бьет по дереву комуза, и тем неожиданнее переход к доброй, обезоруживающей улыбке. Как надо знать людей, их характеры, какой наблюдательностью обладать, чтобы достигнуть такой выразительности! Ведь акын голосом, жестом, мимикой изображает каждого, о ком ведет рассказ. Два дня мы трудились втроем: Коргоол пел, Темиркул записывал, а я рисовала. Встреча с этим стариком окончательно убедила меня, что замысел памятника Токтогулу верен.

На третий день на скрипучей, неуклюжей арбе отправляюсь в Мазар-Сай, туда, где похоронен Токтогул. По дороге мы попали в настоящую пыльную бурю. Приютил нас у себя дома председатель колхоза «Джаны-Турмуш» Устамалиев. Был ноябрь, хлопковая страда в разгаре. Работали от восхода солнца до поздних сумерек. Вся семья нашего хозяина тоже в поле. Забот у председателя выше головы.

Простые люди подарили мне прекрасные минуты истинной душевности и тепла. На огонек чадящей керосиновой лампы заглянули и два юных выпускника Фрунзенского педтехникума. Оба хорошо говорят по-русски, и свежий ветерок обмена мыслями сразу подбадривает всех. Мои наброски вызывают такое любопытство, что от желающих позировать нет отбоя.

От взрослых не отстают и дети. Маленькая Буку усаживается напротив комочком и замирает, не мигая, так что слезы выступают на ресничках. Пытаюсь ей объяснить, что моргать можно, но она сидит, не шелохнувшись.

Осенним утром верхом на лошадях вместе со спутником Джолдошем выехала в Мазар-Сай. Небольшой городок весь расцвечен золотом тополей, багряной листвой урюка, светлыми полями молодой кукурузы. Две быстрых речки сливаются, выбегая из ущелий. А впереди —

Портрет Аалы Арзиева. 1939.

могучая красноватая гора с затейливым профилем. Своей громадой она подчеркивает ясную чистоту голубого неба и блеск далеких снежных вершин. Все в природе так чисто, прозрачно и светло, что становится празднично и на душе.

В домике Джолдоша встречаюсь со славным Кулике — двоюродным братом Токтогула. Никак не могу ему втолковать, что хочу его вылепить, и наше чаепитие проходит безмолвно, но появляется русский по фамилии Сиротченко, который прекрасно говорит по-киргизски, и разговор оживает. После возвращения Токтогула из ссылки Кулике приютил его в своей юрте. Внимательно разглядываю доброго старика, которому лестно, что его брата знают в далекой Москве, до которой восемь дней пути от его родного кишлака. На стареньком халате Кулике вижу причудливую каменную пуговицу. Много таких сделал он в годы своей молодости и раздарил. Тут же отрезаю бритвой пуговицу от своего пальто, и мы меняемся. Кулике удобно устраивается на кошме, и сеанс лепки начинается.

В перерывах между лепкой обследую окрестности Мазар-Сая, ищу могилу Токтогула. Вот и она. Надгробие сложено уступчиками из побеленных кирпичей, окружено деревянной оградой. Стараюсь запечатлеть его как можно точнее: предполагается, что монумент будет поставлен во Фрунзе. Это, конечно, правильно, но как хотелось бы, чтобы памятник поставили здесь, в местах, где прошли последние годы поэта, где его прах хранит земля. Вспоминаю скромный зеленый холмик в Ясной Поляне — могилу Толстого, Святогорский монастырь, где похоронен Пушкин. Есть немалый смысл в том, что последнее успокоение мыслители и поэты находят в родных местах.

...В одну из прогулок, когда время шло к ночи, я заблудилась. Встревожилась не на шутку, ободралась о колючие кусты барбариса, вымокла после напрасных переходов в ледяной воде, совсем пала духом среди непроглядной тьмы и вдруг услышала в тишине конский топот и различила на фоне темно-синего неба силуэты двух всадников. Оказывается, Кулике первый забеспокоился, куда я запропастилась, и наказал Джолдошу непременно меня разыскать. Вернулись мы благополучно. Кулике, увидев меня, пошел навстречу, раскрыв объятия. Я поцеловала его, как отца. Заботливость старика растрогала меня до слез. А бюстик Кулике, сделанный из пластилина, сослужил мне в дальнейшем путешествии добрую службу. Кулике легко узнавали в других местах, сходство скульптуры с оригиналом вызывало веселое восхищение, и меня принимали, как родную. Как пенаты у древних греков, статуэт-

ка охраняла меня в пути, открывала все двери, дарила ночлег и ужин. И на расстоянии Кулике был моим ангелом-хранителем.

Мой альбом все пополнялся зарисовками. В нем уже были запечатлены новые друзья: певец Иманкул, Юсике Турус, знаменитый охотник-беркутчи, близкий Токтогулу, и, конечно, дети. Один из мальчиков в колхозе «Джаны-Турмуш», где я на обратном пути остановилась, как у добрых знакомых, оказался прирожденным комиком. Он так лихо заламывал мохнатую шапку и застывал, что все вокруг от души смеялись. Школьники лучше взрослых знали русский язык, и это нас сразу сближало. Вылепила я и старого охотника Аалы Арзиева, юную библиотекаршу и многих других. Наброски карандашом и скульптуры стали незаменимым подспорьем при создании проекта памятника. Весь мой тяжелый гипсовый и пластилиновый груз прибыл в Таш-Кумыр без повреждений, хотя его везли на лошадях несколько дней. Можно было возвращаться в Москву для продолжения работы.

ПРАЗДНИК АКЫНА

Киргизия готовилась отметить 75-летие со дня рождения Токтогула, и модель памятника акыну следовало представить к этим торжествам.

Страшно было войти в мою московскую квартиру: вся она была завалена кусками форм, гипсом, ящиками. Накануне отъезда некуда было даже присесть. Предстояло упаковать восемь ящиков, плотно их обшить, приготовить к отправке, собраться самой. На подмогу пришли студенты-суриковцы Степан Карпетченко и Жора Арапов.

На Казанском вокзале оказалось, что багаж стоит дороже, чем я предполагала. Провожавшие собрали нужную сумму, и все обошлось. Прибежал мой сын, принес теплый пирог в дорогу. Мы смеялись радостно и возбужденно. В этот хлопотливый час никто не знал, что расстаемся мы не на месяц, а на годы, что нас разлучит война.

В дороге я изрядно поволновалась: еще не все детали проекта готовы. Из-за недостатка места не было возможности собрать все вместе и посмотреть, как выглядит модель в целом. Во Фрунзе оставила вещи на вокзале и сразу отправилась в Союз писателей. Здесь на меня обрушился шквал: почему так поздно, когда вы успеете? Впрочем, устроителям хватило хлопот и без меня. Были приглашены писатели из Москвы, ожидался приезд многих друзей Токтогула, организовывалась выставка картин, посвященных акыну, репетировали оперу «Токто-

гул». Весь мир искусства находился в движении, озабоченности, ожиданиях.

За кулисами в театре мне освободили комнату для работы. Вносят мои ящики, но — о, ужас! — главный багаж с основными деталями еще не прибыл. Голова лошади здесь, а всадник где-то в пути. Делаю, что можно, сплю урывками, бегаю на вокзал и треблю администрацию. Наконец, багаж пришел. Теперь не выхожу из своей комнаты сутками. За кулисами днем и ночью — репетиции, пение, танцы, шум от передвижения декораций. Вижу, что окончательно зашиваюсь, и бегу за своими друзьями из Киргоспроекта — форматорами Солонским и Воробьевым. Их отпускают со службы, и славные богатыри приходят на помощь с целой бригадой рабочих.

И вот 25 ноября сделан по мерке фанерный постамент. Переносят в фойе большие части модели. Принесены десятки ваз с осенними букетами. Торжественность наполняет театр, а наш островок все еще в гипсе, в краске — в рабочем неказистом облике. Вечер. Зажглись повсюду сияющие огни. Мчусь в свой забытый номер, где так давно не была. Переодеваюсь и — в театр, где собрался весь цвет интеллигенции Киргизии. Меня знакомят со множеством людей, поздравляют, жмут руки. Смотрю на свое творение чужими глазами. Памятник, освещенный матовыми огнями, неплох! Он тоже праздничный, светлый. Все, как виделось в мечтах,— Токтогул на коне с

Фрагмент памятника Токтогулу. 1939.

любимым комузом в руках, четыре монументальные группы, объединенные резной решеткой с киргизским орнаментом. Ко мне бросается незнакомая девушка. Это дочь Токтогула — Гюльсара. Она растрогана сходством скульптуры с отцом, благодарит и плачет. Позднее мы по-настоящему подружились с этой милой девушкой. Я с любовью сделала ее бюст, но он, к сожалению, не сохранился.

Весь концерт посвящен Токтогулу. Поют его песни, читают его стихи. Выступают его ученики. На богатом занавесе — большой портрет акына.

В антракте в глубине фойе несколько особняком держится группа стариков. Они заметно смущены обстановкой. Подхожу ближе, разглядываю и... узнаю среди старцев Кулике. Кулике, видевший меня в Мазар-Сае в рабочем комбинезоне, заляпанном гипсом, не узнает женщину в шелковом платье. Напоминаю, что была на его родине, лепила его. Кулике все вспомнил, и мы обнимаем друг друга.

В этот вечер познакомилась я и с замечательным акыном Тоголоком Молдо. Его чудесная улыбка меня пленила. Он показался мне ожившим древним богом мудрости и добра. Двадцать два года спустя я воссоздала его образ в камне. Трудно сказать, удалось ли выразить то, что было задумано. Мне хотелось выразить задумчивую углубленность, которая поразила меня при первой встрече.

Привлекли мое внимание акыны Исак Шайбеков и ...Джыртаков, композитор Мураталы Куренкеев. Нельзя было не залюбоваться молодым, горячим, похожим на Пушкина и гордящимся этим сходством, поэтом Джоомартом Боконбаевым. Всех их я с увлечением лепила и рисовала, сделала несколько портретных эскизов.

Прошло время. Память о чудесных людях превратилась в монументы, установленные во Фрунзе. Мне хотелось выразить в памятниках теплоту, сердечность и мудрость, которые взволновали в незабываемый вечер, торжественный и яркий, последний в канун войны.

Кончились торжества, но последовали большие интересные заказы, появились новые друзья, и я решила остаться в столице Киргизии навсегда.

Первым захватил меня перспективами работы в республике главный архитектор Фрунзе Г. А. Градов, который решал архитектурную сторону памятника Токтогулу. Глядя на отсвечивающие снегами горы, он рассказывал о своих планах перестройки города Фрунзе, о возможности использовать в архитектуре орнаментальное искусство киргизов. Он говорил так страстно и горячо, что и мне захотелось отдать все силы на пользу работе, быть ему поддержкой и опорой.

Работая над моделью памятника, я увидела, как уважают и слушаются Градова форматоры. Всегда и во всем он был строг и требователен. Делая работу по указаниям Градова, я чувствовала себя счастливой: я была частицей спаянного коллектива, испытывала истинную радость от возможности думать и работать сообща. Перед войной молодого архитектора перевели в другой город, но наша дружба не прервалась.

Г. А. Градов стал руководителем большого проектного института в Москве. Почти тридцать лет спустя, когда Георгий Александрович вновь приехал во Фрунзе, он остановился в моем доме и рассказывал много интересного о том, что делается градостроителями Москвы. А еще три года спустя он появился вновь и сообщил, что

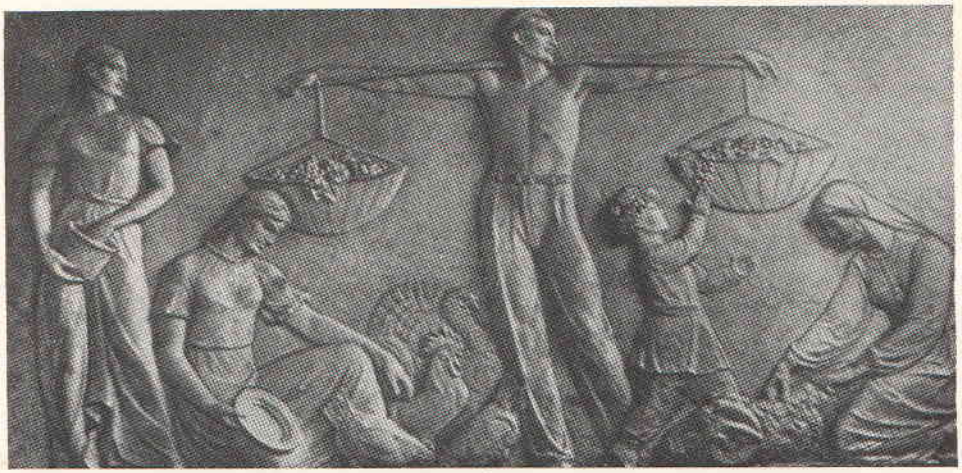
МОНУМЕНТЫ ДЛЯ СТОЛИЦЫ

Памятник Ж. Боконбаеву во Фрунзе. 1947.

Фрагменты барельефа на здании Прокуратуры в г. Фрунзе. 1940.

недавно, в свои шестьдесят лет, впервые совершил восхождение на Памире на высоту 5000 метров! Он подарил мне свою книгу «Город и быт», в которой я встретила отголоски и его юношеских мечтаний, и своих собственных мыслей. Георгий Александрович рассказал о Памире, где побывал недавно, познакомил со своим проектом нового города в Смоленской области. Эта встреча была для меня радостной и полезной.

В конце 1940 года молодой альпинист Владимир Рацек предложил мне принять участие в походе на Арасан. Откликнулась с радостью, хотя возраст уже не позволял мне пройти самые трудные точки маршрута. С наслаждением принимала ванну под открытым небом, среди снегов, в теплой минеральной воде, а на привалах любовалась позами отдыхающих спортсменов. С тех пор неустанно пропагандирую альпинизм, развивающий кругозор и любовь к природе, закаляющий волю, ибо в восхождениях все духовные и физические возможности человека проверяются сполна. Со времени восхождения на Арасан навсегда остались в моем сердце синее небо, черные горы, блистание снегов, крепкие фигуры спортсменов. Конечно, Заалайский хребет, горы Тянь-Шаня и Памира куда суровее, чем крымские кручи, которые, мне кажется, я знаю, как свои пять пальцев, ибо исходила их вдоль и поперек. Когда в 1974 году в Москве вышел сборник «Побежденные вершины» под редакцией



С. Я. Прохорцева, с удовольствием написала письмо составителям и просила их в переиздание отличной книги включить географические карты, без которых все словесные описания неполны. В этой книге трижды упоминается и В. И. Рацек, хотя, на мой взгляд, Владимир Иосифович, занимающийся спортом с шестнадцати лет, воспитавший несколько поколений альпинистов, заслуживает более подробного рассказа о нем.

Накануне войны архитектор В. В. Верюжский разработал проект Дома прокуратуры, который, по согласованию с Г. А. Градовым, было решено оформить большим скульптурным фризом, раскрывающим идеи Конституции. Выполнить такую большую работу (84 квадратных метра) в одиночку я не могла. Снова были приглашены из Москвы мои молодые помощники С. Карпетченко и Г. Арапов. Для этой композиции мы сделали десятки эскизов и набросков, многие ее элементы рисовали с натуры, а в роли натурщиков нередко выступали сами Степан и Георгий. Карпетченко ввел в композицию свой автопортрет, который стал последней памятью о нем. С первых дней войны оба молодых человека были призваны в армию. Арапов, окончив военное училище, прошел всю войну, а Карпетченко погиб на фронте.

К тому времени, когда вся работа осталась на мне одной, мы успели выполнить весь фриз в глине, перевести его в гипс. Форматоры Со-

О. М. Мануилова со своей работой — портретом Поля Робсона.

лонский, Воробьев и Колосов переводили все барельефы в цемент, отливали огромные плиты и поднимали их лебедками наверх, где они крепились к стене большими железными болтами. Позднее, когда весь барельеф был завершен, фон окрасили в серый цвет, и белые фигуры хорошо смотрелись на нем. Ныне весь фриз одноцветный и от этого сильно проигрывает.

Еще до войны вылепила я бюст, который находится теперь в Музее изобразительных искусств во Фрунзе. В 1949 году, когда в США готовилась расправа над Полем Робсоном, я, в знак протеста, сделала бюст замечательного певца и общественного деятеля, а альпинистская группа Рацека установила его в Ала-Арчинском ущелье на вершине, носящей имя Робсона. К столетию со дня рождения В. И. Ленина Владимир Иосифович со своими товарищами укрепил сделанный мною барельеф вождя на одной из вершин Тянь-Шаня, на высоте 7134 метра. К 80-летию со дня рождения Маяковского я отлила барельеф поэта из металла. Приятно думать, что это изображение поэта, равно как и сделанные мною барельеф Анджелы Дэвис и герб СССР, подняты в горы и помещены там, где они достойно символизируют волю и мужество человека.

В 1947 году по наброскам и воспоминаниям довоенных лет я сделала бюст поэта Джоомарта Боконбаева. На заводе имени Фрунзе бюст отлили из алюминия. Архитектор В. В. Верюжский разработал проект пьедестала, и вскоре памятник был установлен в городе на проспекте Дзержинского.

Когда было принято решение увековечить память Героя Советского Союза Дуйшенкула Шопокова, я в 1956 году выехала в Сокулукский район, чтобы вылепить бюст погибшего героя под наблюдением его вдовы Керимбюбю и близких. Только после того, как все родные сочли, что портрет Дуйшенкула приобрел сходство, я приступила к выполнению бюста в большом размере. На Мытищинском заводе его перевели в бронзу. Ныне он установлен на родине Шопокова.

В 1949 году я снимала посмертную маску с лица скончавшегося композитора Мураталы Куренкеева. Позднее эта маска помогла создать его бюст, ныне установленный у здания музыкального училища, носящего его имя.

В ГОДЫ ВОЙНЫ

Началась война. Суровое время выдвинуло новые задачи. Фронт грохотал далеко от Фрунзе, но и здесь, в тылу, все делалось для того, чтобы приблизить победу. Еще до войны недалеко от города началось строительство Большого Чуйского канала (БЧК). В связи с изменением обстановки канал приобрел особое значение. В сущности, не было в столице человека, который бы не принял участия в огромной народной стройке.

Ранним утром, часто до восхода солнца, отправлялись на строительство нескончаемые вереницы людей. Сюда прибывали целыми семьями. Все мои товарищи-художники побывали здесь. Неоднократно бывала на БЧК и я. Как все женщины-работницы, повязав голову платком, я отправлялась на стройку пешком, работала кетменем, возила тачки с землей. Поражало разнообразие характеров, накал битвы за большую воду. Никогда прежде не доводилось видеть такой разноязыкой массы людей, преимущественно женщин, объединенных единой целью, ожесточенно копавших сухую, твердую землю, чтобы помочь братьям, мужьям, сыновьям, которые защищали нас за сотни километров отсюда, в дыму и пламени сражений.

Мы, художники, были призваны рассказать о том, чему стали свидетелями и участниками. По вечерам, вернувшись домой, запыленная и усталая, я не могла уснуть. Просматривала наброски, лепила по памяти. Эти наблюдения, множество новых знакомств,

Строительницы Большого Чуйского канала. 1942.

судьбы народные, которые, пожалуй, впервые после работы в Лефортовском госпитале открылись мне так близко, нашли воплощение в моих работах тех лет. Композиция «Строительницы Большого Чуйского канала», монументальная скульптура «В помощь фронту» имели успех, выставлялись в Третьяковской галерее, приобретены Киргизским музеем изобразительных искусств и находятся в его постоянной экспозиции.

В конце 1941 года фрунзенцы узнали печальную весть. Защищая подступы к Москве, погиб наш земляк, военный комиссар Киргизской ССР, генерал-майор И. В. Панфилов. Ивана Васильевича знали и любили во Фрунзе. Здесь он начал формирование 316-й стрелковой дивизии, которая прославилась в битве под Москвой. Правительство республики приняло решение увековечить память о нем и объявило конкурс на сооружение памятника в его честь. В конкурсе приняли участие скульпторы М. И. Эпштейн, И. Г. Фрих-Хар, А. А. Мануилов и я. Работу над памятником поручили А. А. Мануилову и мне.

Когда я приступила к портрету Панфилова, то узнала, что сохранилось единственное изображение Ивана Васильевича — его увеличенная фотография с паспорта. Обратилась за помощью к вдове полководца, она пригласила меня к себе и под ее наблюдением я лепила бюст, пока Мария Ивановна не сказала: «Похож». Потом приступила к выполнению большого портрета, и снова Мария Ивановна наблюдала за работой, помогала советами, рассказывала о характере мужа.

Надежные мои друзья и помощники — каменщики Солонский, Воробьев, Колесов и Лысов вытесали постамент из розового гранита, отформовали фигуру из цемента. В городском парке 7 ноября 1942 года состоялось торжественное открытие монумента. Эта процедура снималась для документального кино. Позднее парк был назван именем Панфилова. Спустя тридцать два года, в 1974 году на встрече старых панфиловцев во Фрунзе, я вновь увидела эти мгновения. Заново пережила их. Ведь это — единственный памятник, сооруженный в нашей стране в военное время! Все мы гордились, что такую сложную работу сумели сделать хорошо и в короткий срок. Вылепила я барельеф и Валентины Панфиловой, которая была медсестрой на фронте вместе с отцом.

Для понимания народного характера многое дала мне поездка с коллегами-художниками в южные колхозы Киргизии весной 1943 года. Мы стремились познакомиться с деревенскими жителями, сделать портреты ударников и стахановцев, помочь с наглядной агитацией. Наша бригада отправлялась в «глубинку» едва ли не первой и было немало

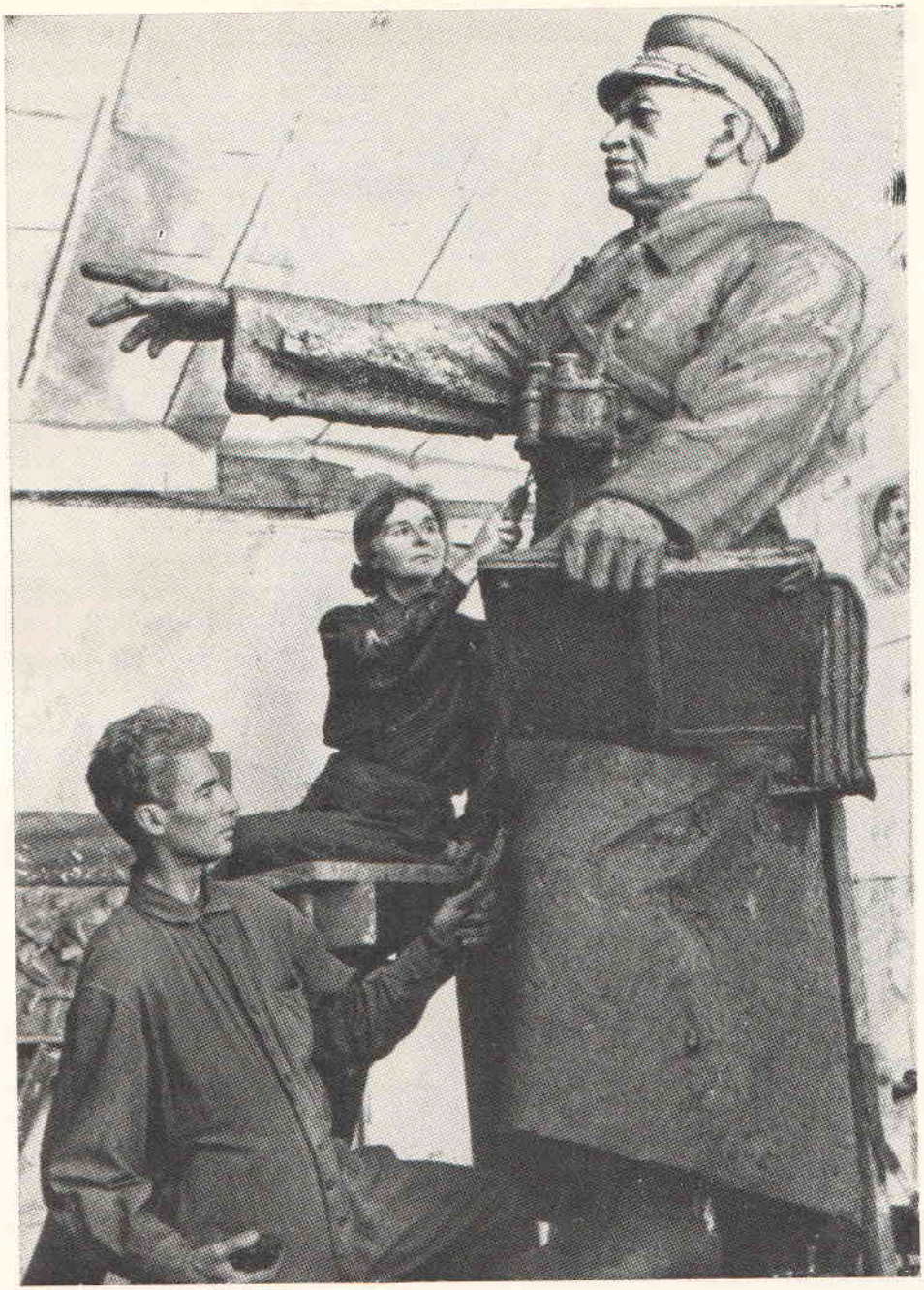
волнений: как примут, не покажемся ли мы праздными соглядатаями, удастся ли осуществить задуманное.

Мы покинули Фрунзе 14 апреля. Всю дорогу сопровождала нас изумительная весна, розовое цветение урюка, потемневшие от дождей горы, хотелось задержаться в Оше, маленьком и чистом городке, походить по аллеям, скрытым огромными белоствольными тополями, посидеть у раскидистых ив над арыками. Удивительный силуэт древней Сулейман-горы был нам дальним приветом города, когда мы остановились в Кашгар-Кишлаке, в МТС колхоза имени XVIII партсъезда.

В правлении нас поняли сразу. Ударниц оказалось много. Портрет создавался часа за два. Мы рисовали краснощеких, крепких кетменщиц, энергичных и загорелых трактористок. Женщины иногда успевали переодеться, набросить на голову красивую косынку, а на шею — яркие бусы. Сначала мы рисовали простым карандашом, но женщины так трогательно просили выделить цветом платки, бусы, платья, что я взялась за акварель, и цвет оказался созвучным с красками весны и обликом наших работниц.

Мы вернулись из поездки со множеством портретов, эскизов, набросков. Собранный материал оказался бесценным для дальнейшей работы. Создавая образы строительниц БЧК, я вспоминала и замечательных женщин, с которыми познакомилась в колхозах Южной Киргизии. Я поняла, что даже в самое трудное время люди не равнодушны к искусству. Они ждут от художников одобрения и поддержки. Когда труженики видят портреты своих земляков, они начинают думать о себе лучше. В напряженную трудовую жизнь входит новый смысл.

Ольга Максимилиановна и Аполлон Александрович Мануиловы за созданием памятника И. В. Панфилову. 1942.



Памятник Герою Советского Союза генерал-майору И. В. Панфилову во Фрунзе.

Многие годы мечтала я работать уединенно, как советовал И. Д. Шадр. Сначала дети были слишком малы, приходилось метаться между ними и скульптурой. Потом дети выросли, но в преклонные годы у меня постоянно кто-то жил: пожилые женщины, часто совершенно одинокие, которые сами не могли сходить в магазин или как-то обслужить себя. Соседи-артисты, занятые в театре, по вечерам оставляли своих малышей. Целые годы прошли среди шума, детского плача, в конфликтах с рабочими и натурщиками. Я мечтала о сосредоточенности, а жила и работала на виду, на людях, среди множества забот, которые никакого отношения к скульптуре не имели. Даже на тихую ночь рассчитывать можно было не всегда.

И все-таки при всех неурядицах и бытовых невзгодах работа оставалась главной моей заботой. В 1945 году Киргизский театр оперы и балета начал подготовку к постановке большой оперы «Манас». Героическое прошлое киргизов было созвучно с нашей Победой. Главный художник Штоффер привлек меня к сотрудничеству, на которое я откликнулась всей душой, ибо издавна полюбила киргизское искусство, постоянно ратовала за сбор, сохранение и издание национальных орнаментов, за основание музея народного изобразительного искусства. По рисунку Штоффера я вылепила фантастического льва, сделала этого льва из папье-маше. Вылепила я крылатого коня-тулпара, несколь-

РАБОТЫ ДЛЯ ТЕАТРА

Скульптурная группа справа на фронтоне Киргизского театра оперы и балета им. А. Малдыбаева. Фрунзе. 1953.

ко барельефов с головами драконов для воинских щитов. Пора было приступать к главному — восьми всадникам, дружинникам Манаса, каждый — в натуральную величину. Конечно, громадных чоро предполагали установить не на сцене, а по обе стороны ее. Они должны были выразить общий дух эпохи, дать зрелищный настрой всему спектаклю.

Отвели мне небольшое пространство за кулисами на лестничной клетке. В двух шагах от нас шли непрерывные репетиции, звучали отдельные арии и хоры, забегали взглянуть на нашу работу «воины Манаса» в полном снаряжении. Сильные лампы прожекторов сушили фигуру из папье-маше днем и ночью. Штоффер, гроза и бог, вдохновитель всей работы, постоянно помогал советами, изыскивал людей, которые могли бы помочь чисто технически: накладывать глину на каркасы, обклеивать фигуры бумагой. Все мы спотыкались о толстые электрокабели, протянутые в разных направлениях, все более утопали в глине, бумаге, ибо уборщицы к нам заглядывать не решались. Топор, которым мы сколачивали каркасы, весь в глине. Мои ватные штаны уже не гнулись, столько на них всякого налипло. Руки вконец изранены от гвоздей и осколков стекла. Но какой славный миг, когда с глиняной фигуры снимаются части папье-маше, собираются вместе,— и вот стоит красавец-конь рядом с вонючей, осточертевшей, ненавистной мне глиной!

Скульптурная группа на фронтоне театра слева. 1953.

Подчас спешка, которая не дает мне прилечь ни дома, ни в нашем закутке на верстаке, казалась мне безумной, невероятной, никчемной. Перехватить чашку кофе или похлебать вчерашнего остывшего варева — несбыточная мечта. В общей суматохе только Штоффер умно сдержан, тактичен и постоянно внушает бодрость: «Наш «Манас» поедет в Москву. Ваших коней увидит столица». Предпоследний конь получился красавцем. Он повернул голову в сторону будущих зрителей, его мощная шея украшена орнаментированными бляхами, попона с орнаментами тоже лежит на нем очень красиво. Когда все, знающие толк в лошадях, высказали свое одобрение, скульптура перешла в ведение веселой стайки девушек — папьемашисток. Сколько раз приходилось выправлять хилые ноги моих животных, подтягивать брюхо, укрупнять шею, заново лепить голову! Когда начались первые закрытые просмотры оперы, приходилось поменьше греметь молотком, чтобы не мешать спектаклю. Все сорок чоро вышли на свои посты в назначенный срок. А меня в день премьеры свалила такая жестокая мигрень, что я даже не смогла побывать на спектакле, хотя до этого около двух месяцев буквально не покидала здания театра.

Работы по сооружению нового здания Киргизского театра оперы и балета начались еще до войны, но из-за военного времени были прерваны и возобновились только в начале 50-х годов. Проект здания принадлежал московскому архитектору А. И. Лабуренко. Архитектура театра вбирала в себя скульптуру, живопись, росписи. К этому времени в столице республики сложился небольшой, но активно работающий коллектив художников, уже не раз представлявших свои работы на всесоюзных выставках. Объединенные замыслами Лабуренко, мы радостно взялись за дело, но вдруг узнали, что готовится решение передать выполнение всего убранства здания большой бригаде художников из Ташкента. Нас это обидело и огорчило. По поручению товарищей, я обратилась к руководству с большим письмом, где доказывала, что только мы сумеем выразить по-настоящему дух киргизской культуры, ибо у каждого есть в этом отношении немалый опыт. К нашему мнению прислушались.

Мне доверили выполнение скульптурных групп над фронтоном. Я отправилась в Москву, работала в библиотеках столицы и Ленинграда, подбирала интересный материал. Вернулась домой с целым ворохом зарисовок — колхозники, шахтеры, альпинисты, люди самых разных профессий. Многие из эскизов отклонялись, но я, не унывая, предлагала новые варианты. Наконец, пришло решение — выразить мысль о рас-

цветающем искусстве республики. Так появилась центральная фигура женщины — олицетворение молодой Киргизии. Слева от нее — юноша с книгой, справа — рабочий со знаменем. На левом углу фронтона — поющий молодой киргиз и девушка с комузом. Справа — танцующая девушка и юноша, играющий на кияке. Такое решение было одобрено, и наша маленькая группа горячо взялась за дело. Мне помогали молодые скульпторы Б. Пенкин, Р. Гудушаури и Г. Бурлин. Мы выполнили семь фигур по 3,5 метра каждая. Когда все статуи были готовы, их укрепили над фронтоном, но мы еще не раз поднимались на крышу, чтобы внести необходимые изменения.

Дружба с театром, начавшаяся с горячих деньков работы над оформлением оперы «Манас», так заразила меня темами киргизского фольклора, что я возвращалась к ним неоднократно, но преимущественно в малой пластике. Сделала множество декоративных блюд и барельефов, посвященных народным героям и танцам. Однако перевести их в фарфор или бронзу, наладить выпуск сувениров, несмотря на все усилия, не удалось. А любовь к изображению людей искусства осталась навсегда. Подружилась я с Махмудом Эсамбаевым, а во время его гастролей во Фрунзе вылепила его танцующим. Позировали мне испанская танцовщица Альберинга и узбекская певица Тамара Ханум. Музыка и танец всегда волнуют меня и поэтому каждая такая встреча — это и радость, и новая работа.

ЛЕПЛЮ ЖИВОТНЫХ

С самого детства природа волнует меня во всех ее проявлениях, и чем старше становлюсь, тем больше восхищаюсь ее мудростью. Сколько раз горы Крыма утешали меня. Сколько горных потоков и арыков Азии освежали во время зноя, смывали усталость и снова возрождали желание жить и творить! Ночи, проведенные наедине с природой, я помню в мельчайших подробностях, хотя такие «свидания» с лесом, скалами, ручьями, нередко разделяют десятилетия. Люблю посидеть в саду, который я посадила своими руками, послушать при звездах хорошую музыку. Это для меня самые счастливые мгновения.

Разными насекомыми я заинтересовалась еще девчонкой. Помню свое удивление, когда от моего неосторожного прикосновения у жука-богомола отвалилась задняя ножка. Он схватил ее ... и съел. Позднее энтомологи объяснили, что взамен утраченной у этих жуков вырастает новая конечность, короче, но крепче прежней. С мальчишками воевала из-за муравьев, не разрешая разорять муравейники. Мне нравилось лечить больных собак, выхаживать выпавших из гнезда птенцов. Одного кроху-стрижа, которого кормила мухами и червяками, я както вылепила на память. В мой дом соседские дети постоянно приносят разную живность: то подбитую из рогатки ворону, то кошку с перешибленной лапой, то необыкновенно большую жабу, то ежика. Один еж жил в моей мастерской.

Архар у входа в музей Н. М. Пржевальского. Пржевальск.

Множество историй в моей жизни было связано с лошадьми. Первая в моей жизни лошадь, привыкшая в гарнизоне, где работал отец, только к мужчинам, видно, испугалась моей юбки и распущенных волос и так понесла, что я от страха сама спрыгнула на галопе в придорожную пыль. Другие лошади слушались меня хорошо, но уже в Киргизии на молодой кобыле я залетела в табун жеребцов. Они осатанело кидались на нас, кусали друг друга, с оскаленных морд летела пена. Думала, искусают меня или саданут копытом, но подоспевшие табунщики меня выручили. В другой раз на своей лошади я подъехала посмотреть улак тартыш (народную игру), и вдруг моя смирная лошадь кинулась в общую свару. Вокруг свистели камчи, кричали молодые киргизы с горящими глазами, лошади как будто обезумели в кипящей массе, однако я поспешила выбраться из этого потока. Лихая мужская игра не для женщины, которой пошел пятый десяток.

Лепить лошадей я любила больше всего. Как-то в цирке молодая стройная кобылка арабо-черкесской породы принялась со мной шалить, пока я мяла пластилин. Она хватала зубами мой берет, прижималась теплым лоснящимся боком к стенке, жевала мою юбку.

А вот быки оказались иного нрава. Тогда, в 1922/23 году, во всем Ташкенте не сыскать было кисточки для рисования, а для моих учеников кисточек нужно было не меньше двадцати. Вооружившись коробочкой и ножницами, я отправилась к стаду и начала выстригать шерсть на холках. Молодые бычки держались миролюбиво, но когда я приблизилась к большому быку, он так ударил меня рогами в живот, что от страшной боли я упала и долго не могла прийти в себя.

Как-то в Крыму я заплыла в море так далеко, что Ай-Петри стал казаться совсем небольшим, а берег превратился в узкую желтую полоску. Неожиданно забурлили вокруг меня волны, полетели брызги, и не успела я опомниться, как оказалась в окружении дельфинов. Черно-белые, сверкающие, они высоко выпрыгивали из волн, с наслаждением ныряли и как будто готовы были составить мне компанию. Прекрасный древнегреческий миф о дельфинах пронесся в моей голове, но разделить участь Ариона все-таки не хотелось. От фыркания, брызг и игры лоснящихся животных я испытывала ужас и восторг. И все-таки поспешила к берегу. Много лет спустя, делая декоративную скульптуру, вспомнила этих веселых красавцев и вылепила одного из них для фонтана.

В Кисловодске, обдумывая проекты оформления парка, решила сделать фигурку негритянского мальчика с крокодилом. В местном зоологическом саду присмотрела небольшого африканского аллигатора.

Подошел молодой человек: «А людей вы умеете лепить?» Получив утвердительный ответ, он воскликнул: «Моя сестра — самая красивая карачаевка!» Я попросила его оставить адрес. Когда служитель вытащил аллигатора из клетки, чтобы перенести его на вечер в теплое помещение, я рискнула погладить спину животного, чтобы лучше ощутить фактуру. Мгновенно крокодиленок распахнул пасть и цапнул меня за плечо, порвал кофточку. Его голова и сейчас коварно улыбается со стены моей мастерской. А красавица Билюха Ходжаева, вылепленная тогда же для кисловодского фонтана, нашла меня позднее во Фрунзе, и мы с удовольствием возобновили знакомство.

В сороковые годы для Киргизской сельскохозяйственной выставки потребовалась фигура барана особой породы — гибрид курдючного и мериноса. Забралась с комом пластилина в хлев и, не обращая внимания на овец, которые толкали мягкими боками, уставилась на одну симпатичную морду, так заросшую курчавой шерстью, что глаз не видно. Осторожно раздвинула завитки, и на меня взглянули два добрых черных глаза. Поглядывал курдюкос вполне дружелюбно. Он оказался самым лучшим из натурщиков-животных.

Много раз доводилось лепить слонов. Приезжавшие во Фрунзе со зверинцем Рангуна, Джильда и Зита с удовольствием ели мой хлеб, отправляя в рот сразу целую буханку, а сахар брали очень изящно и аккуратно. Их собирались отправлять для дальнейших «гастролей», и мы с молодой помощницей Рашидой решили сфотографировать трех добродушных гигантов. Делать это пришлось на ходу. Слонихи двигались к новому месту «службы» очень быстро. Видно, Рангуна нервничала. Когда я подошла к ней слишком близко, она так хлестнула меня хвостом по уху, что я не сразу опомнилась. Зато в другом зверинце с восьмилетним слоненком Каратом мы вполне поладили. Малыш для начала вытянул прямо из рук мой завтрак и сжевал его вместе с бумагой. Я подарила его фигуру трем детским садам. Сегодня Карат весело пускает в небо струи воды в фонтанах моей работы.

Однажды музей Пржевальского заказал скульптуру беркута. Пошла на фрунзенскую зообазу. Там разрешили войти в клетку к хищнику. Большая птица терзала кусок мяса. Я пристроилась с пластилином в уголке. Каждый был занят своим делом.

Беркута вылепила целиком и еще отдельно — голову. Слепок послала в Америку, в подарок Полю Робсону.

МОИ УЧЕНИКИ

К концу войны мое жилище на улице Карла Маркса пришло в плачевное состояние: ледяные пласты и потемневший снег держались по углам. Ни дров, ни угля не было. Электричество по вечерам часто выключали. Закутанные в лохмотья, приплясывая от холода, мы продолжали работать. В такую-то минуту заглянули ко мне два киргизских мальчугана. Стараясь не мешать, они тихонько перешептывались, разглядывали готовые работы, как будто не замечая беспорядка. Мальчики стали заходить чаще. Они рьяно оттаивали глину, неутомимо лепили, пробовали что-то отлить из воска. Через недельку один из них заявил, что никуда отсюда не уйдет. Учился он хорошо, но школу бросил, значит, в интернате ему появляться нельзя. В первую же ночь кто-то унес из нашего дома его продовольственный запас — немного масла и муки. Аскарбек поплакал, но скоро утешился, занявшись автопортретом. Мы стали делить мой паек пополам. Среди каменщиков, бетонщиков, столяров мальчишка держался, как равный. Свои 500 граммов хлеба неизменно приносил в дом.

Со временем я его приодела, вернула в школу, но жить Аскар остался у меня. Он оказался способным пареньком. За декоративное блюдо на темы «Манаса» получил на выставке детского творчества вторую премию. Первой его самостоятельной работой стали барельефы к постановке оперы «Манас». Он делал их с любовью.

Четыре года прожил у меня Аскарбек Исаев. Он настолько овладел основами искусства, что поступил в Московский архитектурный институт, успешно окончил его и стал профессионалом.

В 1948 году по распоряжению правительства Киргизии мне предоставили дом с мастерской, тот самый, где сейчас пишутся эти строки. С тех пор двери моего дома никогда не закрывались. Кто только здесь не работал! Даже простое перечисление имен заняло бы целую страницу. Много доброго можно сказать о Руслане Гудушаури. За семнадцать лет знакомства я так хорошо его узнала, что в 1967 году с удовольствием дала ему рекомендацию в Союз художников. Большим доверием прониклась я к сильным рукам и зоркому глазу ошского скульптора Давида Хеидзе. Работали у меня мастера из Харькова Ю. П. Варвянский и А. И. Табачников.

После Аскарбека Исаева вторым моим учеником стал Альбек Мухутдинов — ныне один из ведущих скульпторов Киргизии.

Помню, как в 1951 году впервые зашел ко мне печник Григорий Бурлин и извлек из авоськи фигурку Геркулеса, которую он вырезал

О. М. Мануилова с учеником А. Исаевым. 1946.

из кирпича по иллюстрации в учебнике истории. Уже немолодой, семейный человек, он был одержим желанием учиться скульптуре. Он смело принимался за серьезные работы — лепил с натуры известных акынов, писателей, музыкантов. Несмотря на все трудности, занятость, сумел сделать вещи, которые побывали на республиканских выставках, и сейчас стал профессионалом.

Ко мне приходили и приходят люди самых различных профессий: пожарники, слесари, каменщики, электрики, монтажники, столяры. Дома у меня жили киргизы, русские, армяне, греки, корейцы, евреи, француз, кумык, ингуш, гостили негры, подолгу бывали грузины, татары, казахи, украинцы, уйгуры, карачаевцы, останавливался чех, навещали узбеки, немцы, венгры, дунгане, побывали с визитами голландцы, осетин, египтянин, сириец, индийцы, латыш. Тридцать с лишним национальностей! Новые люди, разнообразие внешних обликов, бесчисленное множество профессий — все это обогащает прежде всего хозяйку дома, но многое дает и тем, кто живет у нас подолгу. И, конечно, каждый из этих людей как-то связан с искусством, любит что-то делать руками, а иногда становится натурщиком. Все лелеют мечту стать художниками— пусть хотя бы для себя, для своей радости, для души. Они приносят фигурки из цветного пластилина, автопортреты, людей и зверей, вырезанных из дерева. Показывают вышивки, порой сделанные по рисункам из старых журналов, скульптурные композиции по иллюстрациям всех времен и народов. Я снабжаю их глиной, наставлениями и советами. Конечно, не всем суждено найти путь в искусстве, но многим эти занятия помогают выйти из какого-то жизненного тупика, найти друзей и понимание, почувствовать свою нужность другим. Если в начинающем есть какая-то искра, мы обязаны сделать все, чтобы она не угасла! Ко мне приходят дети, много способных детей.

Периодически переживаю я «нашествия» учителей. Речь идет не о тех, кто приходит, так сказать, частным порядком. Как-то предложили мне решить задачу, поистине фантастическую — за восемь дней обучить 125 учителей начальных классов из всех уголков республики настолько, чтобы они могли вести лепку в школе. И что же? За неделю с небольшим они сделали триста работ, хотя многие из них до того ни глины, ни карандаша в руки не брали. Работ пятьдесят по-настоящему были интересными, и этих людей я старалась уже не упускать из поля зрения.

В другой раз явилась группа учителей из тридцати человек. С этим, сравнительно небольшим количеством людей, работать было

еще интереснее. Творческий азарт нарастал с каждой минутой. Как в сказке, на глазах появлялся лес пирамид и конусов, громоздились глиняные пластины с орнаментами, листьями винограда, анютиными глазками. Следующий день мы начинали с изучения животных. Выстроился весь мой арсенал слепков с натуры: кони, беркуты, слоны, голуби, архары, верблюды, вороны, ягнята. Лучшие учительские работы отобрала для выставки в доме учителя. И поражалась одаренности многих, меткости глаза, наблюдательности и фантазии. И так было горько, что этих людей никогда не учили рисованию и лепке, а ведь они могли бы дать много хорошего детям!

Живу я рядом со школой, и десятки детей приходят ко мне лепить, рисовать, делать модели, чинить сломанные игрушки. Они приходят, потому что у меня есть инструменты, гвозди, проволока, доски, и никого в доме не пугают ни стружки, ни опилки, ни стук молотков.

И пока в доме звучат детские голоса, а за окном поют птицы, пока на станке ждет новая работа, я чувствую, что живу. Без любимой работы я не могу существовать.

О ТВОРЧЕСТВЕ
О. М. МАНУИЛОВОЙ

О. М. Мануилова — большой художник. Весь ее творческий путь— это путь творческих исканий, упорного и самоотверженного труда. Она влюблена в искусство. Особенно близко и дорого ей искусство Востока.

Н. Тэн. В мастерской скульптора. «Советская Киргизия», 1946, 9 января.

...В таких произведениях, как «Киргизская девушка с чашей», «Поливальщик», «Молодой Манас с чоро» и других, скульптор успешно добивается четкости и изящества пластической формы, большой содержательности образов.

Каталог выставки. (О. Мануилова). М., «Сов. художник», 1950.

...Черты яркого дарования Мануиловой — монументальность и лаконизм форм, выразительность и острота движения, ясность декоративного замысла. Необычайная трудоспособность, неиссякаемая творческая энергия определяют большую продуктивность ее работы.

Выставка скульптурных произведений Мануиловой О. М., 1939—1954 гг. Каталог. Ф., 1954.

Смотришь на сотни эскизов, сделанных руками самой Мануиловой, и удивляешься, как много может сделать в жизни человек... Нужно иметь острый глаз, четкую память и очень любить природу и людей, чтобы с такой удивительной достоверностью воплотить их в скульптуре.

Р. Сергеев. Юность души. «Советская Киргизия», 1963, 17 октября.

Жизнь и творчество Ольги Максимилиановны Мануиловой — это единый процесс познания, вдохновенного труда и бесконечного интереса к жизни общества, к человеку. Ее личность удивительно многогранна. Высокообразованный и обаятельный человек, художник, общественный деятель, воспитатель — вот лишь главные черты и пристрастия ее сложной натуры. На облике Мануиловой лежит печать демократизма и беспокойного духа передовой русской интеллигенции... Воспитанная на классическом наследии мировой культуры, впитавшая с детства дух гражданственности, О. М. Мануилова, став художником, без колебания приняла программу самого прогрессивного направления в искусстве— демократического... Искусство О. М. Мануиловой утверждает жизнь, духовную и физическую красоту человека. И творчество, и общественная деятельность замечательного скульптора — это вклад в борьбу за интернациональное единение человечества... Для нас она — образец бескорыстного служения искусству, стойкости духа и доброты.

Л. Прыткова. Души прекрасные порывы. «Советская Киргизия», 1973, 30 октября.

Трудно переоценить ее вклад в сокровищницу искусства Киргизии, ставшей второй родиной скульптора. Для соседних братских республик

Узбекистана и Туркмении О. М. Мануилова создала также немало замечательных произведений. Вместе с тем она с неослабевающим вниманием следит за общественно-политической жизнью борющихся народов зарубежных стран Азии, Африки и других континентов, активно откликается на важнейшие международные события. Вся деятельность Ольги Максимилиановны характеризует ее как защитницу идей интернационализма, мира и счастья людей.

Е. В. Нагаевская. Жизнь в искусстве.
(О. М. Мануилова). Ф., «Кыргызстан», 1975.

Живое общение О. М. Мануиловой с молодежью посеяло страсть к искусству не в одном сердце, не одного из ее юных друзей и учеников вывело на прекрасную дорогу творчества.

Л. Прыткова. Художник счастливой судьбы. «Советская Киргизия», 1978, 3 ноября.

О. М. Мануилова — разносторонний художник. Ее творчеству присущи поэзия и большое дарование, которые проявились во многих жанрах, начиная от малых форм и кончая монументально-декоративными и станковыми скульптурами.

Дж. Уметалиева. Изобразительное искусство Киргизии. Ф., «Кыргызстан». 1978.

ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА, ОСНОВНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ О. М. МАНУИЛОВОЙ

30 октября 1893 г. — в Нижнем Новгороде (ныне — г. Горький) в семье доктора медицины М. П. Тихомирова родилась дочь Ольга.

1911 г.

— окончила в Самарканде женскую гимназию с золотой медалью.

1912 г.

— окончила одногодичные курсы и получила аттестат зрелости в Ташкенте.

1912—1913 гг.

— занятия скульптурой в Мюнхене и Париже.

1914 г.

— работает сестрой милосердия в Лефортовском госпитале в Москве.

1915 г.

— организация детского очага-яслей в с. Карповке Рязанской губ.

1913—1917 гг.

— обучение на скульптурном отделении в Московском училище живописи, ваяния и зодчества.

1914 г.

— голова натурщика. Гипс. КГМИИ[1].

Портрет художника С. И. Иванова. Гипс[2].

1915 г.

— портрет Ю. Ф. Цявловской. Собств. Т. Г. Цявловской. Москва.

---

[1] КГМИИ — Киргизский государственный музей изобразительных искусств.

[2] Произведения без указания местонахождения являются собственностью автора.

Бюст С. Ильинского (не сохранился).

1916 г.

— Меркурий. Барельеф. Металл. Москва.

1918 г.

— бюст К. Ф. Рылеева. Цемент. Не сохранился.

1919 г.

— коман[illegible]ся Наркомпросом в Ташкент для агитационно-художественной и преподавательской работы.

1920—1923 гг.

— преподавание рисунка и скульптуры в Ташкентской художественной школе и в школе-коммуне имени А. В. Луначарского в пос. Никольске.

1923—1927 гг.

— работа в Крыму (Гаспра, Кореиз).

1925 г.

— бюст писателя С. Я. Елпатьевского. Гипс. Музей имени А. П. Чехова. Москва.

1926 г.

— бюст писателя В. В. Вересаева. Гипс. Не сохранился.

1927 г.

— бюст киноактрисы Л. Скопиной. Гипс. Собств. Скопиной. Москва.

1928 г.

— бюст суданского писателя Куэку Банколли. Гипс.

Бюст писателя И. Н. Потапенко. Гипс. Музей имени А. П. Чехова. Москва.

1927—1928 гг.

— работы для Антропологического музея в Москве.

1928—1930 гг.

— работы для Центрального Военно-Морского музея в Ленинграде. Культурно-шефская работа в Кронштадте.

1929 г.

— бюст О. Л. Книппер-Чеховой. Гипс. Не сохранился.

О. М. Мануилова принята в Ленинградскую организацию художников.

«Яблочко». Танцующие моряки. Гипс. ЦВММ[1].

Моряк гражданской войны на коне. Гипс. ЦВММ.

1931 г.

— фигура моряка с гитарой. Гипс. ЦВММ.

Моряк. Гипс. ЦВММ.

Моряк с винтовкой. Гипс ЦВММ.

Группа минеров. Гипс. ЦВММ.

Группа заграждения. Гипс. Москва.

1931—1936 гг.

— работа в музее-усадьбе «Ясная Поляна».

1932 г.

— бюст С. А. Толстой. Гипс. Музей-усадьба «Ясная Поляна».

1933 г.

— фигура девочки с мячом. Гипс. Дом пионеров. Щекино.

Мальчик с лыжами. Гипс. Дом пионеров. Щекино.

1934 г.

— бюст Ч. Дарвина. Гипс. Музей зоологии МГУ. Москва.

Бюст шахтера И. Кораблина Гипс. Не сохранился.

1935 г.

— Советская медицина. Барельеф на здании поликлиники, площадь Ногина. Цемент. Москва.

---

[1] ЦВММ—Центральный Военно-Морской музей в Ленинграде.

Фигура «Муза Пушкина». Гипс.

1936 г.

— декоративно-оформительские работы в Кисловодске.

Карачаевка с чашей. Фонтан. Бетон. Кисловодск.

Девушка с оленем. Гипс.

Горец-стрелок. Гипс.

1937 г.

— Девушка с двумя чашами. Фонтан. Гипс. Не сохранился.

Проект памятника Низами.

1938 г.

— работы по оформлению Узбекского павильона на ВСХВ в Москве.

Испанские дети-партизаны. Гипс. КГМИИ.

Калмыцкий танец. Гипс.

Портрет узбекского поэта Ш. Шарахимова. Гипс. Музей искусств. Ташкент.

Портрет Алишера Навои. Гипс. Музей искусств. Ташкент.

Портрет туркменского поэта Дурды Клыча. Гипс. Музей восточных культур. Москва.

Портрет В. Чкалова. Барельеф. Гипс и дерево.

Бубнист. Бетон. Установлен в Узбекском павильоне ВСХВ. Москва. Не сохранился.

Дутарист. Установлен там же. Не сохранился.

Поливальщик. Там же. Не сохранился.

Группа с осликом. Фарфор. КГМИИ.

1939 г.

— по приглашению правительства Киргизской ССР О. М. Мануилова переезжает на постоянное жительство в Киргизию.

Проект памятника Токтогулу. Гипс. КГМИИ.

1939 г.

— Животноводство. Охота. Сельское хозяйство. Наука и техника. Детали памятника Токтогулу. Гипс. КГМИИ. Голова Кулике. Гипс. Исторический музей. Фрунзе.

Голова Коргоола, ученика Токтогула. Исторический музей.

Бюст Аалы Арзиева. Гипс.

Танцовщица с бубном. Гипс. КГМИИ.

Проект памятника А. Пушкину. Гипс. Гос. Эрмитаж. Ленинград.

Голова А. С. Пушкина. Гипс. Гос. Эрмитаж. Ленинград.

Портрет архитектора Г. А. Градова. Гипс. Собств. Градова.

Стелы к памятнику Низами: «Фархад и Ширин», «Лейла и Меджнун», «Семь красавиц». Чугун. Музей Каслинского завода.

Чукча с мячом. Фарфор.

1940 г.

— бюст композитора М. Куренкеева. Гипс. Фрунзе.

Портрет Тоголока Молдо. Гипс. КГМИИ.

Портрет акына И. Шайбекова. Гипс. Союз писателей Киргизии.

Портрет акына Джартакова. Гипс. КГМИИ.

Советская Конституция. Барельефный фриз на Доме прокуратуры Киргизской ССР. Цемент. Фрунзе.

Портрет скульптора С. Карпетченко. Барельеф. Гипс.

В. И. Рацек. Бюст. Гипс. КГМИИ.

1942 г.

— памятник генерал-майору

И. В. Панфилову. Гранит, бетон. Фрунзе.
Бюст И. В. Панфилова. Гипс.
Строительницы Большого Чуйского канала. Гипс. КГМИИ.

1942 г.

— В помощь фронту. Гипс. КГМИИ.
В. Панфилова. Барельеф.

1943 г.

— Манас укрощает дракона. Декоративное блюдо. Гипс. Бюст М. В. Ломоносова. Гипс. Академия наук Киргизской ССР.
Барельеф Ч. Тулебердиева. Мрамор. Музей Советской Армии. Ташкент.
О. М. Мануиловой присвоено звание заслуженного деятеля искусств Киргизской ССР.

1944 г.

— Сыргак с Алмамбетом и драконы. Декоративное блюдо. Гипс.
Молодой Манас на охоте. Декоративное блюдо. Гипс.
Призыв к бою. Конная группа. Гипс.
Школьники на осликах. Гипс.
Ай-Чурек. Декоративное блюдо. Гипс.

1945 г.

— В. И. Ленин. Барельеф. Гипс. Музей В. И. Ленина. Москва.
Партизан М. Мовчан. Гипс.
Эскиз конной группы для оперы «Манас». Пластилин.
Конная группа для оперы «Манас» в натуральную величину. Папье-маше. Не сохранилась.

1946 г.

— Мальчик с рыбой. Проект фонтана. Гипс.

1947 г.

— памятник Д. Боконбаеву. Металл. Фрунзе.
М. Мусульманкулов. Барельеф. Гипс. КГМИИ.
Тамара Ханум. Декоративное блюдо. Гипс.

1949 г.

— бюст А. С. Пушкина. Гипс. Союз писателей Киргизии.
Девушка с чашей. Гипс.
Бюст П. Робсона. Цемент. Установлен на горной вершине его имени.
Голова столетнего чечена. Мрамор. КГМИИ.
Портрет коневода С. Каримова. Гипс.

1950 г.

— Ф. Дзержинский. Барельеф. Гипс.
Исмаил Джантоев. Гипс. КГМИИ.
Герой Советского Союза Т. Джумабаев. Гипс.
Портрет артистки М. Марасуловой. Гипс.
Девушка с чашей. Гипс. Павильон газвод. Фрунзе.

1951 г.

— Голова негра. Гипс.
Портрет народной артистки СССР С. Кийизбаевой. Гипс. КГМИИ.

1952 г.

— портрет студентки З. Тюлейкуловой. Гипс. КГМИИ.
В. Маяковский. Гипс и мрамор.
Чабан. Гипс. КГМИИ.
Леонардо да Винчи. Бюст. Гипс.

1952—1965 гг.

— преподавание лепки в художественном училище г. Фрунзе.

1952—1953 гг.

— работы для скульптурного убранства фронтона Киргизско-

го академического театра оперы и балета в г. Фрунзе.

1953 г.

— Архары. Беркут. Декоративные фигуры. Цемент. Музей имени Пржевальского, г. Пржевальск.

1954 г.

— во Фрунзе открылась большая персональная выставка произведений скульптора. О. М. Мануиловой присвоено звание народного художника Киргизской ССР.

За мир. Гипс. КГМИИ.

Корейский студент. Гипс. КГМИИ.

Авиценна. Проект памятника. Гипс.

Фонтан. Цемент. Детский сад, г. Фрунзе.

1955 г.

— Индийская богиня мудрости Сарасвати. Гипс. Дом дружбы. Москва.

Молодой киргиз. Металл. КГМИИ.

1956 г.

— памятник Рудаки. Проект. Гипс.

1956 г.

— Индийская девушка с голубем. Гипс.

Японка с голубем. Гипс.

Танцовщица с бубном. Гипс.

1956—1957 гг.

— работа на Дмитриевском фарфоровом, Гжельском керамическом и Мытищенском бронзо-литейном заводах. Участие в четырех выставках в Москве.

1957 г.

— испанская танцовщица Альберинга. Гипс.

Памятник Бируни. Проект. Гипс.

Памятник Ф. Стрельниковой. Бронза, гранит. Установлен в совхозе ее имени.

1958 г.

— бюст Героя Советского Союза Д. Шопокова. Бронза. Установлен на родине героя.

Бюст председателя колхоза Кочкорбаева. Дерево. КГМИИ.

1959 г.

— Молодой Фрунзе. Модель. Гипс. Музей им. Фрунзе в г. Фрунзе.

Памятник М. Куренкееву. Бетон. Фрунзенское музыкально-хореографическое училище.

1960 г.

— барельефы Д. Менделеева и Тоголока Молдо. Бетон. Установлены на здании Республиканской библиотеки имени Н. Г. Чернышевского в г. Фрунзе.

Индийский танец (стоящая фигура М. Эсамбаева). Гипс.

Индийский танец (сидящая фигура М. Эсамбаева). Гипс.

Рабиндранат Тагор. Барельеф. Гипс и дерево.

1962 г.

— Токтогул. Эскиз полуфигуры. Гипс.

Иранский скульптор Омер (два варианта). Гипс. Бахчисарай.

1963 г.

— Кузнец А. И. Купченко. Гипс.

Чернышевский. Полуфигура. Гипс.

1965 г.

— Комузистка. Гипс.

Киргизская невеста. Гипс.

Танцующая из балета «Чолпон». Гипс.

Персональная выставка во

Фрунзе (вместе с Л. Ф. Деймантом).

1969 г.

— бюст летчика-космонавта Комарова. Средняя школа № 18 в г. Фрунзе.

1972 г.

— Милиционер Исабаев. Бюст. Гипс. Музей милиции в г. Фрунзе.

Электросварщик Бактабас Джапаров. Бюст. Гипс. КГМИИ.

1974 г.

— барельеф Сальвадора Альенде. Гипс.

Барельеф Пабло Неруды. Гипс.

1976 г.

— бюст альпинистки Л. Манжаровой. Бетон. Надгробие. Ущелье Ала-Арча.

СОДЕРЖАНИЕ

5 Талант добрый и светлый
10 Детство
15 В Лефортовском госпитале
18 Карповка
20 С. М. Волнухин
24 В. В. Маяковский
28 Начало
31 П. Г. Скосырев
36 Школа В. Ф. Лубенцова
41 И. Д. Шадр, О. Ю. Шмидт
47 В музее антропологии
49 Военно-Морской музей. С. Ф. Юрьев
52 Кронштадт
59 В Ясной Поляне
65 Азия манит
70 По югу Киргизии
76 Праздник акына
79 Монументы для столицы
84 В годы войны
89 Работы для театра
93 Леплю животных
96 Мои ученики
101 О творчестве О. М. Мануиловой
104 Вехи жизни и творчества, основные произведения О. М. Мануиловой

Ольга Мануилова

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

Вступительная статья,
литзапись и составление каталогов *А. Жмаева*

Макет и оформление *Г. Половниковой*
Фото *В. Жигайлова*

Редактор *Т. Каширская*
Худож. редактор *Д. Чочунбаева*
Техн. редактор *С. Ван*
Корректор *Г. Джаркимбаева*

ИБ № 1236

Сдано в набор 21. 01. 1980 г. Подписано к печати 20. 10. 1980 г. Д—07453. Формат бумаги 70×90¹/₁₆. Бумага мелованная 115 гр. «Литературная» гарнитура. Печать высокая. 7,0 физич. печ. л. 8,19 условн. печатных листа. 5,599 учетно-изд. л., Тираж 8000. Заказ № 59. Цена 95 коп.

Издательство «Кыргызстан»
720737, г. Фрунзе, ул. Советская, 170.

Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Киргизской ССР Госкомиздата Киргизской ССР.
720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102.

95 к.